

РУССКИЕ ЗА КОРДОНОМ

До отправления скорого поезда оставались считанные минуты.

Одетый в элегантный светло коричневым костюм мужчина лет сорока стоял в коридоре спального вагона у окна напротив своего купе и мысленно прощался с вечерней столицей.

Мимо вагона прошла молодая женщина с легкой сумкой в левой руке, царственно неся хрупкую фигуру.

«Все свое, курочка, носит с собой, - подумал мужчина, задерживая на ней свой взгляд. – Только слишком сильно попочкой виляет».

- Чуть не опоздал из-за этих проклятых пробок, блин, - в вагоне появился коренастый парень в кожаной куртке с объемистой сумкой через левое плечо. Он шел по вагону, искоса бросая взгляды на купе, отыскивая нужное. – Фу, успел, - парень вошел в купе, сбросил на полку тяжелую сумку и вытер платком вспотевшее лицо.

Поезд плавно тронулся и медленно стал набирать скорость.

Мужчина в куртке вошел в купе и представился:

- Валера.

Парень привстал с полки и протянул вялую руку:

- Очень приятно. Дима.

- Вот и познакомились, - улыбнулся Валерий.

- Да, блин, ты прав, - согласился попутчик.

- Извини, Дима, позволь, я переоденусь.

- Пожалуйста, - Дима вышел из купе.

Валерий быстро переоделся в ярко красный спортивный костюм, аккуратно повесил на плечики костюм.

- Твоя очередь переодеваться, Дима, - Валера вышел из купе.

- А чего мне переодеваться? Куртку сбросил – и готово.

В конце вагона раздался приятный женский голос:

- Уважаемые пассажиры, приготовьте, пожалуйста, ваши билеты.

Попутчики достали проездные документы и положили на столик.

- Домой, Дима? – спросил Валера, присаживаясь на полку.

- В командировку. А ты?

- Домой. Целых три недели не был дома.

- Что-нибудь выбивал?

- Нет, - засмеялся Валера. – Принимал личное участие в прекрасной зарубежной командировке.

- Украина, Средняя Азия?

- Бери выше. Австралию навестил, - улыбнулся Валера. – Хорошая страна.

- Ну, блин, ты даешь, - удивился Дима. – А кто твою поездку оплатил?

- Мальчики, прошу ваши билеты, - в купе вошла хорошенькая проводница.

Пассажиры протянули ей проездные документы.

- У тебя, блин, тарелочки есть? – спросил ее Дима.

- Минут через десять зайдете, что-нибудь найду, - улыбнулась в ответ проводница.

- А с нами стопочку на грудь примешь? – спросил Дима.

- Мальчики, я же на работе, - мило улыбнулась та в ответ. – Как можно?

Проводница вышла из купе, плотно закрыв дверь.

- Ты не возражаешь раздавить бутылочку? – спросил Дима.

- С удовольствием, - согласился попутчик.

Мужчины стали доставать из сумок полиэтиленовые свертки, пакеты, баночки.

Вскоре столик был заставлен баночками с черной и красной икрой, селедкой в

винном соусе, порезанной ветчиной, грудинкой, жареной курицей, апельсинами, ломтиками нарезанного черного и белого хлеба.

Дима достал из сумки маленькие стопочки.

- Мальчики, я вам тарелочки принесла, - в купе вошла проводница.

- Спасибо, - поблагодарил ее Валера.

- Еще раз спрашиваю, блин, махнешь с нами стопочку? – спросил ее Дима.

- Я же на работе, мальчики, - улыбнулась женщина. – Как же так можно?

- Во, блин, деловая нашлась, - удивился Дима. – От бесплатного угощения отказывается!

Валерий вытащил из объемистой сумки мягкую игрушку и протянул ее проводнице:

- Это наш вам подарок.

- Ой, какая хорошенькая... - она осторожно взяла игрушку. – А как зверек называется?

- Коала. В Австралии живет, - пояснил Валера.

- Мальчики, спасибо за подарок. Только вы ведите себя мирно, много не пейте и ведите себя тихо.

- Во, блин, и тут учителя нашлись. Мы еще бутылку не открыли, а нас уже жизни учат, - возмутился Дима.

- Спасибо за подарок, - проводница направилась к выходу из купе. – Если что потребуется, то обращайтесь. В чем могу, то помогу.

- Дим, тебе такую подарить? – спросил попутчика Валерий, когда женщина вышла из купе.

- На хрена она мне? – удивился тот. – Я, блин, на ветке не живу, чтобы с ней наперегонки по деревьям прыгать.

- Ну тогда давай начнем наш банкет.

Валерий откупорил бутылку водки и, посмотрев на Дмитрия, весело спросил:

- Поехали?

- Возражений не имеется. За знакомство.

Они чокнулись и выпили. Стали закусывать.

Спиртное приятным теплом отозвалось в теле.

- По каким делам в Пермь? - спросил Валерий.

- По финансовым. Требуется мое участие в решении небольшого вопроса.

- Важное дело, - улыбнулся Валерий. - Часто в Перми приходилось бывать?

- Ни разу. Еще по одной?

- Давай.

Они выпили, стали с явным удовольствием закусывать бутербродами.

- А ты, если не секрет, что делал в Австралии? - спросил Дима.

- Принимал личное участие в туристической поездке. Познавательное. Даже по сравнению с другими странами. А ты, Дима, за кордоном бывал?

- А че я, блин, там забыл?

- Ну как, - растерялся Валерий. - Чтобы иногда с радостью что-то вспомнить.

- У меня в России нерешенных проблем хватает. То одни платить отказываются, то другие на рожон лезут. Так что дел у меня тут много. А что тебя потянуло в Австралию?

- Больно захотелось посмотреть, как там люди живут.

- Ну и как?

- Лучше нашего. Пенсионеры имеют право по всей стране разъезжать бесплатно. Кроме такси, конечно.

- Потом расскажешь. Давай еще по маленькой.

Попутчики выпили, стали закусывать.

- А кто оплатил твою поездку?

- Спонсор, - засмеялся Валерий.

- Везет же некоторым, - покачал головой Дима. – Потом адресок спонсора дашь. Мы его заставим оплатить и мою поездку за границу. Как появится окошко в моих делах.

- Да нет, Дима. Спонсор – это завод, на котором я работаю.

- И что, блин, всем работникам такие поездки оплачивают?

- Да нет. Оплачивают некоторым, наиболее достойным.

- Ты хочешь сказать, что ты директор завода? – удивился Дима.

- Можно и так сказать. А если точнее, то генеральный директор.

- Еще по одной? – предложил Дима. – Уж больно стопочки маленькие. За генерального директора.

- Дорога длинная, так что свое возьмем, - успокоил его Валерий.

Они выпили, неспешно стали закусывать.

- И как ты, блин, воруюшь деньги у завода? – спросил Дима.

- Я их не ворую. Просто моя поездка была проведена как целенаправленная экономическая учеба в престижном иностранном учебном заведении с выдачей сертификата о моем успешном окончании. Все легло на затраты. Эти расходы утверждены собранием акционеров завода.

- А как они на это отреагировали? – спросил Дима.

- Уважительно. Вот, к примеру, на последнем собрании акционеров я им докладываю, что доход предприятия за отчетный год нулевой, посему дивиденды выплачивать не предполагается. Конечно, отдельные, самые горластые, акционеры начинают глупые вопросы задать, где, мол, доход завода за прошлый год? Я что, все тонкости нашей работы буду им рассказывать? Я им заключение аудиторской конторы в рожу. Все, мол, правильно в моем докладе. Конечно, немного повздорят со мной, не без этого.

- А если они тебя не выберут на второй срок?

- Исключено, - успокоил Валерий. – Ведь акции практически полностью консолидированы в моих руках.

- Говори, блин, проще. Ничего не понял, - попросил Дима.

- Ну, если сказать по-другому, то контрольный пакет акций принадлежит мне. Теперь понятно?

- Понятно. А что ты еще на собрании акционеров людям говоришь?

- В конце своего доклада благодарю их за высокое доверие и примерно так заявляю: «Искренне благодарю наших уважаемых акционеров за понимание тяжелой финансовой ситуации, в которое попало наше предприятие, а также за консолидированную монетарную политику, проявленную корпоративным методом посредством мажитарного голосования с безусловным соблюдением требований важнейших положений о толерантности. От имени совета директоров приглашаю всех акционеров пройти в банкетный зал и откусать, чем бог послал».

- Ничего, блин, не понял, - покачал головой Дима. – В твоих словах был какой-то смысл или ты лепил, что на ум приходит?

- Первое время и я не мог вот так, как из пулемета, эти слова произносить. Но жизнь заставила.

- Да, без стопочки не понять. Хорошо, потом расскажешь, о чем твоя заковыристая речь. Махнем? – предложил Дима.

- Давай, - согласился Валерий, снисходительно поглядывая на попутчика.

Они выпили.

Дима посмотрел на Валерия и спросил:

- Если ты такой умный, то переведи с японского ...
- Импортовых языков я не понимаю, так что увы...
- А ты попробуй. Вот, к примеру, что значит слово «хатахама»?
- Без понятия, - развел руками Валерий.
- По-русски это означает «кабинет наглого начальника». Понял?
- Весьма интересно, - рассмеялся Валерий. – А что –нибудь еще можешь сказать по-японски?
- Без проблем. Вот, блин, что означает слово «хатасуки»?
- Ну, это я переведу без словаря. Приемная начальника. Правильно?
- А вот это слово что означает? «Амантотохеровато»?
- Ни малейшего понятия.
- Это плохо пошитый прикид. Шуба или костюм, к примеру. А вот это как переводится? Как это по-японски... Да, вот. «Нахератахата».
- Попутчик вяло пожал плечами.
- Квартира в спальном районе, понял? А вот это японское слово. Как оно произносится ... Да, «каковабаба».
- Неужто Ирину Хакамаду так прозвали? – удивился Валера. – А что, похоже. И много ты слов японских знаешь?
- На три часа дороги. Многие слова и понятия, блин, быстро забываются. Пойдем покурим?
- Они медленно шли по тихому безлюдному вагону. Лишь в шестом купе кто-то сладко похрапывал. Возможно, от этого малость и покачивался спальный вагон.
- Закури мои, - предложил Валера. – Из Австралии.
- Давай попробую.
- Они курили, стоя в тамбуре вагона и изредка поглядывая в окно.
- Мимо проплывали невзрачные постройки.
- Далеко от Москвы отъехали? – спросил Дима.
- Без понятия. Обычно я самолетом домой летаю.
- А сейчас почему поездом?
- Устал я от самолета. Почитай, часиков восемнадцать в один конец в кресле провел. Да столько же и при обратной дороге. Хочется сменить обстановку.
- Я вам не помешаю, коллеги? – спросил вошедший в купе мужчина в спортивном костюме.
- Кури, блин, имеешь право, - разрешил Дима.
- Благодарю покорно, - мужчина вежливо наклонил голову. – Позвольте представиться: Владимир.
- Валерий.
- Дима.
- Владимир сделал глубокую затяжку и тоскливо произнес:
- Грущу душой и телом. И нет выхода из моей трудной ситуации. Не люблю одиночества.
- Чем ты, блин, грустишь? – заинтересовался Дима.
- Широкой душой, - ответил Владимир.
- А ты водочки махни да спать ложись, - посоветовал Дима.
- В одиночку пить не могу, хотя бутылочка есть. Только вот с кем ее распить?
- С попутчиком, который с тобой в купе едет, - предложил Валера.
- Жена спит. Да и не выносит она спиртного. Вот и обширно маюсь я смятой душой в полном одиночестве.
- Бери бутылку и пошли к нам в купе, - предложил Валера. – Дима, ты не

возражаешь?

- А чего я, блин, возражать должен, если он со своей бутылкой придет? Закуски много. Да и веселее втроем будет. Анекдоты потравим.

Мужики докурили сигареты и пошли по вагону.

- Вы в каком купе? – спросил Владимир.

- В четвертом, - ответил Дима.

- Сейчас бутылку заберу, жене записку на столе оставлю, что я в четвертом купе, и приду.

Спустя несколько минут трое мужчин расположились возле столика.

- Искренне благодарю вас, други мои, за понимание моего душевного состояния, - сказал Владимир. – Потому позвольте мне предложить вашему вниманию тост. За знакомство и приятное времяпрепровождение!

Они выпили, стали закусывать.

- Домой едешь? – поинтересовался у Владимира Дима.

- На свадьбу племянницы.

- Хорошее дело, - похвалил Дима.

- Да, конечно.

- Махни штрафную, - предложил Дима. – Мы с Валерой уже малость приняли, когда ты душою грустил.

Владимир наполнил стопку и выпил. Закусил.

- Не хотите ли анекдотики послушать? - спросил Владимир.

- Валяй, - разрешил Дима.

Владимир вытер носовым платком губы, весело поглядывая на Диму.

- Значит, так. Завалились муж с женой вечером спать. Стала жена к мужу нежно приставать: то спинку ему погладит, то грудью прижмется.

«Маша, - говорит муж, - мой колосок не подросток».

Жена обиженно отвернулась от мужа.

Следующим вечером история полностью повторяется. Воркует жена, мужа пытаюсь расшевелить.

«Маша, - опять говорит муж, - мой колосок не подросток».

Фыркнула жена обиженно и от мужа отвернулась.

А когда наступил третий вечер, попытался муж приласкать свою женушку – и в шейку поцелует, и по попочке нежно погладит. Одним словом, стал выказывать знаки любовного внимания.

«Маша, - говорит муж, - мой колосок подросток».

«А у меня нет желания сегодня заводить свой комбайн ради твоего одного колоска», - грубо ответила жена и отвернулась от мужа.

Попутчики громко засмеялись, изредка переглядываясь.

- Да, обломилось мужичку, - сказал Дима. – Расскажи еще один анекдот.

- Уволился из филармонии ведущий скрипач, - стал рассказывать второй анекдот Владимир. – Что делать? Дали объявление в областную газету, что, мол, филармония на конкурсной основе приглашает скрипача.

Неделя проходит, вторая – нет желающих.

Дали повторное объявление в газете – нулевой эффект.

Что делать? Ведь без ведущего маэстро оркестр – не оркестр, а так, сборище музыкантов.

Подумал – подумал директор филармонии да и распорядился расклеить объявления на столбах.

Проходит неделя, минула вторая.

И вот как-то в полдник заявляется в филармонию неказистый мужичонка:
«Где у вас тут директор?»

Показали ему кабинет директора. Заходит мужик к директору:
«Здрасьте. Вы директор филармонии?»

«Я директор, - привстал из кресла директор. – Слушаю вас».

«Я по объявлению», - сказал мужик и присел на стул.

Радостно на душе стало у директора. Подошел он к мужику и спрашивает:

«Вы скрипач?»

«Нет, - говорит мужик. – Я не умею на скрипке играть».

«Может, на рояле умеете играть?»

«Нет, и на рояле я не умею играть, - отвечает мужичонка. – Как и на баяне».

«Так какого же черта ты сюда заявился?» - спичкой вспыхнул директор.

«Вот так всегда – хочешь людям сделать что-то приятное, а они сразу вскакивают из кресла и дурным голосом орать начинают», - опустив глаза, сказал мужичонка, вставая со стула.

«Ты зачем сюда пришел?» - продолжает кипеть директор.

«Чтобы заранее вас предупредить, чтобы в этой критической для вас ситуации на меня не рассчитывали», - ответил мужик и вышел из кабинета.

Попутчики заулыбались.

- Да, блин, не перевелись на Руси веселые люди, - сказал Дима.

- Вы за кордоном бывали? – спросил попутчиков Владимир.

- Мне приходилось, - ответил Валера.

- А ты, Дима? – спросил Владимир.

- А что я там забыл? – грубо ответил Дима. – У меня и в России дел хватает. А к чему ты нас, блин, об этом спрашиваешь?

- А к тому, чтобы научить вас, как безошибочно различать настоящую импортную валюту от фальшивой.

Владимир вытащил из кармана куртки банкноту:

- Это тенге. Валюта Казахстана.

- Ну и что? – спросил Дима.

- Попробуй определить – настоящая это тенге или поддельная, - Владимир протянул денежку Диме.

- Не знаю, - пожал плечами тот. – Впервые вижу такую.

- А ты, Валера? – спросил Владимир.

Валера так и так крутил в руках банкноту, но ни к какому конкретному заключению не пришел.

Владимир аккуратно отрезал ломтик грудинки и поднес его к казаху, изображенному на валюте.

- Ну и что? – привстав с полки, спросил Дима.

- Фальшивая, - ответил Владимир. – Видишь, казах не воротит носом.

- Поясни, ничего не понял, - попросил Дима.

- А чего тут пояснять, - засмеялся Владимир. – Если настоящая тенге, то казах мордой воротит от куска сала, а если банкнота фальшивая – то казах ведет себя спокойно. Потому как казахи сало не едят. Видишь, ни один мускул на лице казаха не дрогнул. Значит, эта бумажка поддельная.

- Да иди ты, - обиделся Дима.

Владимир и Валера засмеялись, поглядывая на попутчика.

- Лучше анекдот расскажи, - попросил Дима.

Владимир ответил:

- Что-то ничего путного припомнить не могу.

Наступила тишина.

Владимир посмотрел на Валерия и спросил:

- Где купил такой хороший треник?

- В Австралии, - ответил Валера.

Владимир икнул, посмотрел на попутчиков и сказал:

- В знак моей благодарности позвольте, друзья мои, поделиться моими воспоминаниями о зарубежных поездках. Кое-чего интересного случалось с русскими мужиками. Но красиво они трудности разные преодолевали. В основном. Хотя бывали и промашки. Может быть, и вам когда-нибудь пригодится опыт русских первопроходцев девяностых годов прошлого столетия.

- А где ты бывал? – с интересом спросил Валера.

- Давай вспоминать. Штаты – раза три, Канада, страны Средиземного моря, Эмираты родные, опять же. Куда без них? Таиланд, Япония и тому подобное.

- Располагайся поудобнее, - Валера протянул ему подушку. – Дим, готов слушать?

- А че, блин, пусть рассказывает. Я-то что?

- За начало наших воспоминаний выпить стопочку требуется, - разливая водку, предложил Владимир.

Он выпили, закусили бутербродами с икрой.

- С чего начнем? – спросил Владимир.

- С акулы империализма, если можно, - попросил Валера. - Как назовем историю?

Владимир протяжно ответил:

- Шведский стол.

Итак, Штаты, - медленно проговорил Владимир, закрыв глаза. – Много чего разного было поучительного и смешного, с нашими хлопцами, а вот так сразу и не вспомнишь чего-то необычного. Хотя, вот. Это была моя первая поездка в Америку. Осенью девяносто первого года, после открытия железного занавеса. Я возглавлял группу директоров предприятий из восьми человек, а основную часть русских туристов составляли рязанские косопузые станкостроители. Всего в группе было человек тридцать. Летали мы в Америку на учебу в каком-то международном университете. Преподавали азы наук молодые преподаватели, потомки выходцев из Союза, на русском языке с акцентом. Иногда, правда, им помогала переводчица.

И так, прилетели мы вечером в Нью-Йорк. Статуя Свободы, по-моему, при посадке самолета справа была.

- Без понятия, - прервал Дима.

- Прошли таможду, - продолжил Владимир.- Все необычно. Мы потом долго смеялись, что, мол, надо бы сначала, перед Америкой нас хотя в Прибалтику свозить, чтобы основы импортной жизни чуток показать.

Ну, разместили нас в гостинице, это где-то на пересечении сорок седьмой стрит и пятой авеню.

- Недалеко от Бродвея, - сказал Валера. – Я карту города изучал.

- Да, совсем рядом. Как водится, у каждого из нас было по два пузыря водки.

- Больше нельзя провозить через границу, - подтвердил Валера.

- Разместились в апартаментах. Многие были в диковинку. Скажем, зачем каждому семь полотенец и многое другое? Поступила команда - готовиться на ужин, в ресторане гостиницы на первом этаже. Спустились вниз, ждем остальных строителей косопузых. Все собрались. Повела в ресторан наша гидша, американка лет пятидесяти, в детстве соплюшкой с родителями уехавшая из Харькова в тридцать девятом.

Кратко объяснила, как вести нам за шведским столом. Все понятно.

Расположились за столиками, приборы для ужина взяли. А запах стоит - просто прелесть, Все жарится, парится, соки, фрукты - глаза разбегаются. Ведь никто из нас ранее за границей не был. Да потом год – то какой – девяносто первый, когда в Союзе и жрать-то было нечего, за молоком по часу в очереди стояли.

- Да, было такое, - поддакнул Валера.

- Налетели мы на жратву, тарелки стали брать самые громадные, по несколько раз их наполняли. А соку выпили - море. Короче, через полчаса некоторые рязанские дышать не могут, потому как обожрались. Сидят с выпученными глазами, пошевелиться не могут. А мы договорились, что после ужина в номерах приезд отметить по-русски, с водочкой. А как иначе? Следовательно, закусочку надо было прихватить из ресторации.

Владимир закрыл глаза, вспоминая хорошие минуты. Потом продолжил:

- Я жил в номере с директором калужского завода “Арсенал”, лет на семь меня старше. Конев Михаил Петрович, весьма интересный человек. Кивает мне головой, что, мол, пора на отдых идти, в номер, приезд водочкой отметить. Незаметно завернул я в салфетку несколько кусочков хлеба, нарезанной колбаски и прочей мясной ерунды, дотоле на стол нами принесенной, да все это незаметно и рассовал по карманам. Неплохо бы фруктов прихватить, думаю. Киваю Коневу, что, мол, позаботься об этом, Петрович. Встает он из-за стола, подходит к полкам, на которых множество фруктов разложено да давай их - апельсины, яблоки, груши, бананы, мандарины, ананасы, киви и прочие вкусные фруктики в полиэтиленовый пакетик складывать. Полный пакет набрал, остальные - по карманам рассовал. Кивает мне, что, мол, пошли на праздник.

Встал я из-за стола да и вышел из ресторана. А когда он стал выходить, его задержали. Мулат в дверь не пускает. Петрович сначала ничего не понял - почему это так безнадежно? Горячий мужик Конев - на повышенные тона перешел. И чтобы более доходчиво объясниться - стал руками размахивать да палец указательный к голове подносить, глядя в глаза мулату, его из ресторана не выпускающему. Стал Петрович намекать тому негру, не хочет ли, мол, к маме сходить? Улыбается мулат, покачивает головой, но русского с фруктами и овощами на свободу не выпускает.

- Нельзя из ресторана ничего выносить, - тихо проговорил Валерий. - В этом вся изюминка шведского стола.

- Это теперь мы все знаем, - согласился Владимир. - А тогда? Не имели мы об этом такого понятия. Услышала ссору наша гидша, подошла в Коневу да все и объяснила, что, мол, находясь в ресторане, можешь есть сколько хочешь, но выносить из избы что-либо - нельзя. Долго не мог этого понять мой коллега по номеру, все пытался что-то доказать негру. Что он, к примеру, из России, и что он голоден, и что, мол, по ночам жрать любит. Не помогло.

Не растерялся наш Конев, когда понял, что ничего из ресторана вынести не удастся. Подошел он к столику, за которым кушать изволил, сел на стул, высыпал из пакета фрукты на столик да давай их есть. Но много ли их съешь, когда брюхо предварительно плотно набито? Как ни старался он втолкнуть в себя их побольше, но не удастся это ему в полной желаемой мере. Опять же, одышка стала одолевать да глаза внезапно помутнели. А жалко на полки фрукты те возвращать, ведь он к ним, к каждому персонально, привык, в руках держал. Но и есть уже категорически не может, как и дышать ртом.

Едва не заплакал он, в голове мысли умные разбрасывая: как с родными фруктами не расстаться, как вынести из ресторана? Да и мулат, проклятый, встал у выхода из помещения и искоса на Конева поглядывает, с него глаз не сводит, потому как тоже такую диковинную живность впервые в жизни видит, хоть и недавно сам с ветки слез.

Вытер платком слезы мой друг Конев, с отвращением на вкуснятину разную поглядел, снял пиджак, положил его на стул и засучил рукава рубашки. Совсем ошалел мулат, ничего не понимая.

Пододвинул фрукты и овощи к себе поближе наш Конев да давай их надкусывать, шкурки не удаляя, - апельсины, лимоны, киви, помидоры, ананасы и прочую сладость. Надкусит - и второй фруктик возьмет, надкусит - и третий возьмет.

Вытаращил мулат глаза, глядя на мужика русского, ничего понять не может. Даже языком чего-то зацокал, а что сделаешь? Не нарушает этикет ресторанный наш Конев, потому как стол шведский - он и в Штатах стол шведский.

Закончил Петрович эту мучительную процедуру, надкусив все на стол принесенные фрукты и овощи, глаза сразу от радости заблестели. Но теперь вышла новая неприятность - из-за стола Конев встать не может. Пришлось нашим мужикам, за другими столами ужинавшими, живот ему массажировать. Помогло: через полчаса смог Конев обширный зад свой от стула оторвать. Из ресторана выходил он медленно, с трудом ноги передвигая, но победителем - на мулата смотрел свысока, как на тварь ползучую.

- А как среагировала на его поступок ваша гидша? - после паузы спросил Валерий.

- Собрала она нас, когда мы вышли из ресторана, поблагодарила, заявив, что впервые видит столь интеллигентных людей, хоть и много лет работает гидом. Вроде бы мелочь, а приятно слышать похвалу в свой адрес. Многие из нас ейною речью довольными остались. Даже на память на фоне ее обширного бюста сфотографироваться хотели. Но под рукой фотоаппарата не оказалось.

- Значит, вам не пришлось, блин, в тот вечер отметить приезд в Штаты? - спросил Дима.

- Как бы не так! По полной программе. Пойдем покурим? - предложил Владимир.

- Стопочку на душу положим - и покурим, - согласился Валерий.

Они выпили, закусили.

- Вот теперь и покурить можно, - сказал Владимир. - После перекура продолжим в воспоминания удаляться.

- Нет возражений, потому как я люблю слушать умные истории, - согласился Валерий.

Вагон плавно покачивался, глухо постукивая колесами на стыках рельс.

Мужчины вышли из купе. В вагоне было безлюдно и тихо, лишь только в шестом купе кто-то не сачковал - храпел по-богатырски, судя по всему, от того и покачивался массивный вагон.

Выкурив по две сигареты, попутчики вернулись в свое купе.

- За продолжение наших путешествий, - предложил Владимир.

- За дела минувшие, - согласился Валерий.

Дима сделал бутерброды с красной икрой и с грудинкой, развернул курицу. Выпили, малость закусили.

- Жили мы, как и в прошлый раз с рязанцами, на сорок четвертой стрит и пятой авеню Нью-Йорка, - продолжил воспоминания Владимир. - По-моему, этот район гораздо скучнее мест тех, где башни - близнецы расположены.

- Без понятия, - перебил его Дима.

- Итак, случай второй, - сказал Владимир. А назовем мы его просто -

Ночь на Бродвее.

Прилетели вечером, разместились в гостинице. У нас, как и положено, питание входило в стоимость туристической поездки. Кампания подобралась у нас изумительная: из тридцати человек - пятеро нефтяников, десять - химиков, а остальные

- с миру по нитке.

Самое опасное мероприятие по прилету в Нью-Йорк - ужин со шведским столом - наша группа преодолела успешно - не нашлось наглецов типа тому Коневу.

Значит, поужинали крепко да по номерам - отметить прилет в Штаты. Разместился я в одном номере с Петровым Николаем, химиком из Тамбова. Нормальный и порядочный паренек моих лет. К тому же крайне рассудительный. Это вы потом поймете, почему я так официально заявляю.

Значит, разбрелась группа по номерам, а жили мы по двое, да стали праздник праздновать. Из ресторана нам удалось кое-что прихватить - хлебушек, мясное что-то, немного фруктов и прочей закуси. А норма радости - два родных пузыря на нос, стоят в импортном холодильнике, нас дожидаячи.

Накрыли мы с Николаем стол газеткой прочитанной, на ней натюрморт скромный изобразили да и скрутили белой головку. Налили по стакану - как положено. Махнули, принесенной оттуда закусью себя порадовали, потом еще как положено, по уже по пол - стаканчика. Немного поля российские бескрайние вспомнили, о березке белой погрустили. Счастливо пузырек почти весь уговорили. Покурили, степи черноземные вспомнили опять же, за здоровье родных стопочку повторно приняли. Хорошо, слов нет.

Так и продолжался наш праздник успешно, по полной программе, но тут стук в дверь дубовую: "Ребята, вы дома?"

Николай признал в знакомом голосе Гришу - соседа по самолетовскому креслу. Открыли дверь гостю нашему, химику пензенскому, к столу пригласили. Открутили головку пузырьку второму, потому как вышли на полную программу. Вздрыгнули, обнялись, стали прикидывать - каков час теперь в наших степях? Немного поспорили, не без этого. Но мирно, чин - чинарем. А Григорий, паренек значительно порядочный, принес бира местного Николаю, в знак своей благодарности за угощение в самолете. Напротив гостиницы купил бира. Дюжину банок в металлической посуде.

- Бир - это пиво по - ихнему, - вступил в разговор Валера, посмотрев на Диму.

- Я и без тебя это знаю, - обиделся тот.

Владимир немного помолчал, явно вспоминая дела минувшие. Потом продолжил:

- Хорошее пиво, хоть и теплое. Приятственно легло на душу, пользительно. Покурили мы радостно, о жизни погутарили, то да се, одним словом. Пузырь второй плохим оказался - быстро закончился.

Ушел Гриша в свой номер спать, а нам с Николаем спать не хочется. Как же, в Нью-Йорке, какой тут сон быть может в первую ночь! Допили мы принесенное Гришей пиво, приделались стильно из вещей российских - да и на Бродвей, благо рядом.

Шагаем по Бродвею - как по улице имени Первых строителей. Хоть и ночь глубокая, но светло - как на Невском проспекте в день первомайской демонстрации в солнечную погоду. И главное - негде ногу поставить - весь тротуар в людях, по несколько человек на метр квадратный. Идем мы по авеню Бродвейскому, рот от диковинности закрыть не можем, потому как все необычно - неоновая реклама, уйма народу разного - от белого до загорелого, включая негров. На тротуаре - продавцы втюрить что-то пытаются. С пользой явной для себя. По бокам - одни небоскребы, ведь там нет кварталов в общенародном понимании. Один небоскреб - вот и квартал. Такси гужется, много машин юрких. Желтого цвета.

Николай несколько раз наступил на ноги аборигенам, впереди нас идущим, те мило в ответ нам улыбаются, но мы-то понимаем, что рожу начистить могут крепко. Продвинулись мы примерно к стрит двадцатой - чуем, что пиво наружу просится. Много ж на грудь приняли! Замедлили мы шаг, потому сильно отлить хочется, а где

нужду русскому человеку в Нью-Йорке справить? Нет у них, аборигенов местных, подворотен, потому и пала тоска на мысли наши, ибо четко понимаем - чем дальше от хотела - тем меньше шансов сухими в него вернуться. Николай даже обе руки в карманы опустил, чтобы силою предотвратить истечение жидкости. Потом и я его примеру последовал. Помогло, но ноги с трудом переставляем. Крепимся, но осознаем, что минуты наши сухие сочтены. Одна радость - вроде дождь стал накрапывать чуток. Так, самую малость.

Владимир замолчал.

- И как вы выкрутились из этой столь опасной ситуации? - спросил Валерий.

- Выручила нас русская смекалка, - ответил Владимир. - Когда ногу переставлять уж было нельзя из-за боли в пузыре и явной опасности резкого истечения жидкости в штаны, подозвал меня Николай взглядом. Подошел к нему, также взглядом спрашиваю, силы экономя, - чего, мол? Оказалось, просит он десять баксов. Зачем? - взглядом вопрошаю. Он мычит, силы экономя, что для дела. Рискнул я, оставив главные дела на руку правую, вытащил левую руку из кармана да зелень смятую ему протягиваю. Подошел он к человеку с детства загорелому да давай с ним торговаться жестами: мол, продай три зонтика за десять баксов, ибо рубли советские негр за валюту никак не признает. Пришлось втридорога купить зонтики за зелень, потому как не было сил торговаться. А тут и дождичек пошел, негров и мулатов сверху водой поливая. Но не сильно, а лишь свое появление едва обозначая. Давай выпьем за здоровье нашего умницы Николая. Спас от позора мирового, никак не меньше, ибо не было у нас штанов вторых. А как пойдешь в магазины за ними в штанах мокрых да с едким запахом аммиака?

Дима наполнил стопочки. Мужики выпили, закусили, помолчали.

- Стал накрапывать дождь американский, - продолжил рассказчик. - Но нам это уже не страшно. Купил Николай, голова светлая, три зонтика, один - подмышку, второй мне протягивает и мычит тихо: "Делай, как я". А я особенно в первое время на него обиделся за его расходы непредвиденные. Как ни говори, а по курсу десять баксов - это пол - тыщи. Но потом мысленно ему извинения свои принес, потому как значительно умнее меня Николай оказался.

Раскрыл он зонтик, держит его за ручку впереди себя горизонтально экватору, в спину неграм упирается. Кивком мне - делай, мол, как я. Ничего не понимаю, но все делаю машинально - зонтик раскрываю, в нужное положение его довожу, негров спереди нас идущих им расталкивая. А потом мы, люди русские, вытащили из брюк да брандспойтом каждый в зонтик свой. Гнутся зонтики, потому как дешевка она и есть дешевка. Но выдержала материя, не порвалась от страшного напора жидкости. И никаких за нами следов, потому как дождик мелкий с неба шустрит. Сам понимаешь, полегчало у нас на душе, словно заново родились. Да и капли с неба потом падают вроде перестали. Правда, откуда-то аммиачным запахом потянуло - так что из того?

Выбросили мы использованные зонтики, на радости еще бирка махнули по паре баночек да в гостиницу почесали.

- Молодцы, не растерялись, блин, короче, в критическую минуту, - похвалил Дима. - За это выпить надо. А почему ты сказал, что Николай Петров умный и порядочный мужик?

- Судя по его поведению. Скажем, в номере. Вот сколько мы с ним вместе жили, но ни разу не помню случая, чтобы он на ночь свои носки бросал в угол неаккуратно. Обязательно положит их таким макаром, чтобы утром носок с его левой ноги, а они форму ног держали изумительно, лежал от него справа - так быстрее его на ногу одеть можно. Или вот опять же наглядный пример - надумали мы идти ботинки покупать. Я

что? Ничего конкретного, а он ... Как бы вам доходчивее объяснить. К примеру, сразу начинает ногти на ногах подстригать.

- Зачем? - подался телом вперед Дима.

- Вот и я раньше не совсем понимал, по глупой своей неопытности. Сам покумекай, дружище, купишь ты обувь, а ногти перед этим не подстриг - и что?

- Да, что? – переспросил Валера.

- А то, что при не подрезанных ногтях обувь велика через неделю будет. После того, как ты ногти подстрижешь. И болтаться будет обувь вдоль ноги, точнее, вдоль ног обеих. Понял?

- Резонно. Давай за твоего Петрова выпьем, - предложил Дима.

Они выпили, закусили.

- Громко кто-то храпит в шестом купе, - сказал Валерий.

- Пусть отдыхает, нам не мешая, - ответил Владимир.. - Ну что, готовы слушать случай третий?

- Как мы его назовем? – спросил Валерий.

- Случай третий -

Экскурсия в О О Н.

Владимир салфеткой вытер руки, призадумался, потом приступил к повествованию:

- Жили мы, повторюсь, на пересечении сорок седьмой стрит и пятой авеню. Утром подъем в восемь, пока душ примешь, то да се, а в половине девятого завтрак - стол шведский, и на занятия. В девять начало. Здесь же, в гостинице, на первом этаже.

Читали нам лекции молодые ребята, потомки выходцев из России, как сами они говорили. Лекции читали на русском языке, правда, кое-где переводчица им помогала доходчиво мысли нам донести. Круто интересные лекции, о разных формах управления капиталом и о прочих нам в те годы ненужных знаниях. Но познавательно. Некоторые из нас спорили, где эти знания с явной для себя пользой применить, хотя надо было не спорить, а умным грабежом крупно заниматься, как это делали в России умные люди своевременно.

- Это точно, - согласился Валерий. - Надо было к Барвихе ближе быть.

- Ну что уж тут поделаешь, коли в Кремль с нашими мыслями в части крупного разворывания государственного богатства мы опоздали своевременно явиться. Теперь воровать приходится рангом ниже, среди себе равных, таких же судьбою обиженных. Но это мы с вами отвлеклись. Как-то перед обедом, сразу после занятий, встретила группу наша гидша, о которой я уже вам рассказывал. Мол, завтра едем на экскурсию в Организацию Объединенных Наций. А что? Познавательно. Попросила всех поприличнее приодеться, не быть охламонами полными.

Приехали мы на автобусе к зданию ООН. Издали спичечная коробка смотрится неплохо, а вблизи - так себе. Встретила группу сотрудница русского представительства при ООН, нормальная такая себе девица, только вот больно по дому скачавшая, по ее словам. До слез.

А подступы к зданию охраняют полицейские - загорелые мальчишки под два метра каждый, вокруг пояса - целый арсенал - и пистолет, и наручники, и матюгальник, и дубина, и много чего еще разного. Воспитанные мужики, улыбочивые. Пока представителя нашего представительства ждали, ту девицу, о многом наши мужики с ними успели покалякать. Правда, те, кто из наших английский язык понимает.

Повела девица нас в здание, сама впереди, а мы гурьбой за нею, на пятки впереди идущим наступая.

При входе в здание - металлоискатель, как в аэропортах. А при нем - охранник под два метра, довольный жизнью такой.

Построила та девица нас шеренгой - да повела нас поодиночке сквозь это хитрое приспособление. Многие успешно прошли, настала и моя очередь. Шагнул я сквозь искатель - что-то резко так зазвенело, до полной противности.

Показывает морда полицейская мне дубиной, что, мол, вертайся. Вернулся я, а как не вернешься? Народ наш - зубы скалит в мою сторону, потому как полное движение вглубь ООНа приостановилось.

Вернулся я на исходную позицию, снял с руки часы, вытащил из карманов брюк пенсы металлические да прочую железную ненужность. Взглядом стража спрашиваю - идти, мол, можно?

Кивает головой в ответ, мол, шагай, придурок.

Только шагнул я внутрь этого металлического искателя, как он снова пуце прежнего зазвенел. Полицейский даже за кобуру с пистолетом схватился, видно, увидев во мне опытного террориста.

Снова занял я исходную позицию, а у самого на душе крайне тревожно. Даже более того, точно говорю. Приуныл я внешним видом, хоть и стою на ногах крепко. Что делать, как проникнуть в энто здание высотное, где мировая политика формируется на благо жителей земли? Быть рядом, а в него не попасть - до слез мне обидно стало, даже скупая слеза на левый ботинок упала. Дюже пыльный ботинок был, потому я и узрел каплю, на него упавшую, потому как ручеек на ботинке образовался.

Наша представительница подбежала, с копой по - аглицки гутарить стала, нас тем самым презирая. Тот головой крутит да на меня плохо смотрит. Потом девица говорит, что, мол, так и быть, коп разрешает мне сделать еще одну попытку проникнуть сквозь миноискатель.

Но и я уж теперь мудренным стал. Подошел я к копу вплотную, снял пиджак и бросил его на пол мраморный, галстук и рубашку на пиджак сверху кинул. Коп головой крутит, видно, ничего понять не может. Поэтому брать его нужно стремительностью, решил я. Брюки также быстро приспустил ниже колен, только и видны на мне трусики цветные, в Рязани купленные, что биркой не оторванной подтверждено документально.

Коп сразу грозную позу принял и дубинкой в мою сторону показывает, что-то с испуга лопочет не по-русски. Видно, забыл наш язык с испуга. Или надпись на бирке трусов прочитать не может. Не знаю. Девица та быстро его поняла. Одевайся, мол, придурок, говорит. Посмотрел я на полицейского вопросительно - это точно, что можно?

Короче, оделся я полностью, брюки снизу, пиджак сверху, галстук вокруг шеи повесил да и пошел я в плавню мировую политику.

- И что, не зазвенел металлоискатель? - спросил Валерий.

- Почему же... Звенел, как обычно. Только коп пропустил меня, хотя косо зырил на мою сущность. А мне до соплей обидно стало. Понимаешь, как мечтал я пройтись по залам разным ООНа, с достойными людьми о мировой политике поговорить, мыслями планетарными поделиться. А оказалось - тундра они все, понимаешь. Даже не с кем было парой слов переброситься - не понимают они по - русски, чурки местные. Хотя многие из них знали, что русские к ним летят. Могли бы выучить несколько слов и предложений, чтобы о жизни нам с ними покалякать, а им нас в трудную минуту морально поддержать, чтобы не чувствовали мы оторванности от цивилизованного мира, здесь находясь. Поверьте, так было обидно. Вот, к примеру, подойдешь к продавцу в каком-либо бутике, спросишь, какого размера эта вещица или что-либо другое полезное для нас, а он головой крутит да по - аглицки шпарит. А еще говорят, что они культурная нация.

- Тупая нация, - согласился Дима. - Чукчи - и те язык знают. Русский, я имею в виду.

А что же это у тебя, блин, звенело?

- Интересный вопрос. До конца моего счастливого пребывания в Штатах меня об этом многие спрашивали, - таинственно улыбнулся Владимир.

- И все же? Я почему к тебе с таким вопросом? Чтобы быть опытным в подобных критических ситуациях, - попросил Валерий.

- Ведь мы как в Америку летели? – улыбнулся Владимир. - С двумя-тремя огромными чемоданами и в тряпье, потому как умные люди подсказали: когда в импортные шмотки оденетесь, по те тряпки, российские, в которых вы вступили на американскую землю, в форточку десятого этажа из гостиницы выбросьте, чтобы не тащить назад через океаны морские одежду для огородного пугала.

Это я к чему? Да к тому, что на второй день нашего пребывания на земле инков мой левый ботинок скороходовский самовольно где-то потерял подошву. Пришлось пойти на внеплановые жертвы в части покупки ботинок недорогих - не ходить же босиком, правда?

- Это верно, - согласился Дима. - Носки быстро рвутся.

- Выделил я себе внепланово баксов двадцать да прямиком в бутик. К вечеру нашел я обувку приличную, с моими баксами равнозначную. Они мне ботинки, я им - бумажку зеленую в количестве двух штук. Обувка попала мне добротная, хоть и китайская. Это я понял через неделю, потому как на восьмой день китайская подошва не захотела с собственным ботинком мирно жить. Отскочила утром подошва от левого ботинка, а к обеду - и от правого. Когда вторая подметка лежать осталась на земле асфальтированной и не пошла со мной по стритам разным, взял я ее в руки да знания свои применил, строго и длительно на нее глядя широко открытыми глазами своими.

- И что в подошве оказалось? - спросил Дима. - Контрабанда?

- Не в подошве, а на подошве, - улыбнулся довольный Владимир. - Подошва была металлизирована. Вот металлоискатель и реагировал на мои сандалии китайские. Потому и принял меня страж международный за опытного диверсанта, когда мы здание ООН штурмом взять пытались.

Дима и Валерий громко рассмеялись.

- Теперь я все понял, - улыбнулся Валерий. - Давай допьем пузырь за этот случай познавательный.

Они выпили, закусили.

- Пойдем покурим? - предложил Дима.

Вагон мерно покачивался, перестукивая колесами на стыках рельс.

В вагоне было тихо, лишь из шестого купе доносился громкий храп.

- Продолжим наши путешествия? - спросил Валера, когда они вернулись в купе.

- Охотно, потому как спать не хочется, - согласился Владимир. - Только вот давай по маленькой за случай четвертый -

Магазин “АЛЕКСАНДР”

Валерий наполнил стопки. Попутчики выпили, нехотя закусили.

- Жили мы, как я уже говорил, в Нью-Йорке на пересечении сорок четвертой стрит и пятой авеню. После завтрака у шведского стола читали нам лекции доктора местные, потомки выходцев из России. Дюже интересно и познавательно для практической жизни. Как, например, из ничего крупный бизнес сделать, чтобы через годик - два пару островов в Индийском океане прикупить?

- Для этого надо было, блин, им в Россию ехать, здесь крупно воровать, - перебил Дима.

- Это верно. Но они имели в виду теорию, как я понял. На первые занятия все рязанцы ходили с явным интересом, все что-то в блокноты записывали, чтобы у себя

дома использовать в целях повышения своего благосостояния.

- Фигу им, - опять перебил Дима.

- Это почему же? – удивился Владимир.

- А потому как уже все прибыльное, блин, в России проходимцами уже разворовано. Осталась мелочь одна. Извини, я отвлекся, продолжай, - разрешил Дима.

- Занятия начинались в девять утра, а заканчивались в два дня. С небольшими перерывами на перекуры. Итак, успешно занимаемся, мысленно готовимся к крупному бизнесу. На третий день уже меньше пришло русских студентов, а на четвертый - уже совсем мало. А почему? И этому явлению есть четкое объяснение.

Рязанцы - люди взрослые, а потому - с понятиями. У каждого - длиннющий список шмоток, которые купить надо. Позитив сто в том списке, никак не меньше. Открывался список потребными вещами для детей, потом - для жены, а уж если зелень, то есть, баксы, останутся, то можно их потратить на одежду и обувь для себя.

Выдали нам стипендию в баксах на пятый день - теперь можно было и делом полезным заняться. Рязанцы - шустрые ребята, многие магазины обшарили, номенклатуру вещей и разбег цен предметно изучая. Многие сразу поняли, что шмотки на Бродвее - во много раз дороже. Цены там - вплоть до телефонных. По количеству цифр на ценнике товаров. Приглянулся им шикарный магазин "Александр", что на пересечении, если память не изменяет, сорок второй стрит и одиннадцатой авеню. Вещей там - все есть, да и цены терпимые по сравнению с Бродвеем. Многие рязанцы там себе покупки присмотрели, а уж когда валюту местную дали - совсем запустили учебу. Сам понимаешь, в этих условиях не до саморазвития.

Владимир замолчал, явно пытаясь что-то вспомнить. Потом продолжил:

- В субботу мы должны были уезжать из Нью-Йорка в Вашингтон. А перед отъездом, после завтрака, должны были вручать нам дипломы об успешном окончании учебы в Международном университете экономики. Поэтому случай произошел в пятницу, как пить дать. Да, в пятницу по местному времени.

Слушаю я лекцию, в мир капитала из светлого социализма пытаюсь досконально умом переместиться. Все необычное стараюсь в голове надежно разместить, чтобы при критической потребности знаниями с успехом воспользоваться. Все дюже интересно. Потом пятиминутный перекур. Вышли мы, русские, в коридор покурить да об важности приобретаемых знаний по экономике погугарить меж собой. Аборигены, кстати, не курят.

- Здоровье берегут, прохиндеи, - предположил Дима.

- Этот перекур был ближе к концу занятий. Только закурили мы затяжно, как подбегает ко мне Конев, о котором я вам уже сказывал. Лицо блее мела, руки трясутся, взором по потолку бегают. Мычит мне что-то, головой трясая. Вывел я его на стрит, думаю, пусть охолонет на природе да в сознание придет. Помогло, разговаривать стал, мысли излагать. Правда, сбивчиво и в недоступной мере для краткого моего понимания. Понял я, что выпить он хочет водочки. Есть, говорю, пузырек у меня в номере, под подушкой лежит, своего времени дожидается.

Поднялись мы на десятый этаж, в нумерацию проникли, расположились удобно, сняв пиджаки. Достал я из-под подушки пузырек местной смирновской, за шесть баксов штука, голову ей открутил да на газетку нашу поставил. Само собой, закусить тоже не забыл - два кусочка черствого хлеба да щепотку соли. "Наливай", - мычит Конев, глазами бешено вращая.

Налил ему стакан полный, а себе - половину, потому как я в сознании твердом быть должен, чтобы понять его критическую ситуацию. Выпили, закусили. Он снова что-то мычит, на водку показывая левым глазом. Доконали тот пузырек, закурили. Стоим, в

чувство приходим. Я чуток окосел, а его, смотрю, не берет местная смирновская. Долго молчали, как сейчас помню.

“Помоги мне, - спустя некоторое время говорит Конев. - Христом богом прошу”.

“А что должен я сделать?” - спрашиваю с интересом.

Более получаса он рассказывал историю, чтобы в конце подготовить меня к своей маленькой просьбе. Вкратце вот она, эта незатейливая история.

Позавтракал Конев сытно за столом шведским да бегом к открытию “Александра”. В десять утра заветные ворота открывались. Ворота еще закрыты, а он фигурально возле них расположившись в полной боевой, мысленно по этажам шастает, шмотки изыскивает. Потому как заранее все для себя присмотрел - из первого списка, самого важного. Для любимой дочери.

Зелень успешно разделил на три кучки, рассовал их по разным местам да на стремя встал с дрожью в коленках в ожидании момента, когда калиточка в рай откроется. Список первый для верности еще раз десять прочитал, чтобы не тратить понапрасну время, когда к покупкам приступит. Перекурил, мысли в кучу собирая. Проверил себя - вроде готов он для дел важных и в корне сурьезных.

Врата отворились - и он бегом вовнутрь магазина, чтобы по привычке очередь за товаром занять. Забыл, судя по всему, бедняга, что находится вне пределов любимой России.

По эскалатору на этаж пятый поднялся, в зал зеркальный, с ковровыми дорожками, заявился, полностью готовый к массовым закупкам товара.

Для верности вытащил список первый, в котором шмотки для дочки аккуратно, под номерами записаны. Позций сорок или чуток более. Бегло прочитал бумажку да и поднял голову, взгляд бешенных глаз на товары направляя. А их - товаров и шмоток симпатичных - море с маленькой тележкой, просто глаза разбегаются, хоть он и тренировал себя несколько дней, мимо шмоток вечерами, когда еще стипендию не выдали, прогуливаясь. К ассортименту и ценам привыкая.

Так, что там в списке под первым номером? Конечно же, плащ ярко-бордового цвета с прибабасами, с приподнятыми плечиками и поясом, чтобы талию дочери подчеркнуть мимолетно. Второй вещью в списке значились сапоги зимние, а под третьим номером - кофточка изысканная. На покупке трех вещей он решил и остановиться, чтобы к приобретению остальных вещей приступить позднее. Планово решил делать покупки папашка, сразу видно, что разумный человек.

Перекрестился он да и приступил к покупке плаща.

Подошел он к шмоткам - висят плащи ярко-бордового цвета с приподнятыми плечиками, поясочки при них. Просто бери - не хочу. Достал Конев из кармана штанов метр складной да и приступил к измерению вещицы. Досконально все измерил, чтобы не допустить ошибки обидной - ведь как потом вещицу обменяешь, верно?

Не подошел плащ по причине несоразмерности длины рукава. Повесил он плащ плохой на вешалку да краем глаза повел - вот и другой плащ, тоже ярко-бордовый. Снял его с вешалки да и приступил к измерениям доскональным, чтобы не допустить какого-либо недосмотра. Даже вспотел малость. Опять плащишко не подошел - пряжка на поясе не того фасону, как дочка прописывала.

Пришлось третий плащ планомерно изучать да мерить. Через час выбрал он плащ достойный, на левую руку, в локте фраерно изогнутую, повесил, платком мокрые лицо и шею вытер. Что ни говори, а первое задание он грамотно выполнил. Как говорится, лиха беда начала.

Для верности достал список, мутными глазами по нему пробежался - верно, сапоги на очереди. Только вот какого фасону - дочь написала в общих чертах - не понять. Типа,

мол, на твое усмотрение, папуля!

Повел Конев взглядом – слева от него плащ висит, совсем не чета им зараз купленному!

Плохо стало ему, даже сердце защемило. Отдышался он малость, в полное сознание пришел да и приступил к новому замеру размеров увиденного диковинного плаща.

Минут через сорок вернул плащ разонравившийся, а плащ диковинный - на левую руку, в локте согнутую, повесил.

Вытер мокрое лицо влажным платком носовым да и продолжил покупки товаров. Бросил он взор ненароком - сапоги зимние отарой стоят, на него игриво поглядывают и каблучками фуфырятся.

Выбрать сапоги - это тебе не плащ заморский купить. Тут и понятие, и выдержка нужны, потому как покупал он вещь, не имея полного понятия о том, что же дочери хочется. Право, это не аргумент, когда дочка сказала, что, мол, что тебе понравится, то и купи. Судя по всему, дочь сказала не совсем нормальной головой - на усмотрение отца. Это надо же - мужику купить вещицу женскую, причем в крайне критической ситуации - это когда их изобилие! Это тебе не батон докторской колбасы, а вещица под триста зеленых. Много, если по курсу перевести, даже голова заболит, ежели принципиально задуматься об этих богатствах.

С опаской подошел он к сапожкам, которые в полном изобилии в глаза бросаются. Но третьим калачом оказался папашка, храбрым и готовым на любые муки ради чада любимого. Немного отдышался и сразу приступил к изучению товара. Выбрал он сапоги, на свет посмотрел, длительно в руках повертел, потом руку вовнутрь сапога левого запустил, плотность и высоту меха замеряя. Постоял, подумал, на язык подошву попробовал - всем хороши сапоги. Только хотел связать их бечевкой да на левую руку, в локте изогнутую, повесить, как вспомнил, что не измерил размер подошвы сантиметром, потому как не доверяет он импортной градации размеров обуви.

Конечно, пришлось привстать на левое колено, достать из кармана свой матерчатый метр да и замерить длину подметки. Оказалось, что чуток маловата. Поставил он сапоги плохие на полку да к поиску сапог нужного размера приступил, предварительно вытер влажным платком мокрое лицо. Капли пота по спине стекали в ботинки, даже носки дюже мокрыми стали.

Целеустремленным человеком оказался Конев: выбрал - таки сапоги нужные. Всем хороши: и размером, и твердой рифленой подошвой с кривыми рубчиками поперек подошвы, и каблучком - молодцом стройным. Короче, все по уму, все, как дочка прописала.

Перевязал он бечевкой сапоги да и повесил их на левую руку, в локте фразерно изогнутую, поверх плаща, мысленно перекрестился да и повел взором вокруг себя. Совершенно напрасно, прямо надо сказать, ибо чуток вправо увидал он сапожки неопикуемой формы и красоты.

Конечно, пришлось ранее выбранные сапоги в отставку отправить, ибо ни в какое сравнение они не шли вот с этими вещицами на загляденье. Проматерился он про себя да и незамедлительно к замерам диковинных сапожек приступил.

Часика через два он гулял по пятому этажу фразером - на левой руке, в локте изогнутой, висели плащ да сапожки заморские. Дивные вещицы.

Посмотрел Конев в список влажный - кофточка с рубчиками значится под третьим номером. Окинул он взглядом мутным окрестности магазина в поисках кофточки с рубчиками - а они на него смотрят, к себе мануфактурой манят.

Отжал он мокрый платок носовой да по лицу своему им провел, водицу с лица излишнюю убирая. На радости даже хотел поискать закуток, чтобы воду из ботинок

незаметно вылить. Но как увидел кофточку с рубчиком, сразу решил не отвлекаться на мелочи второстепенные.

Кофту он выбрал относительно быстро, минут через сорок. А все потому, что этих кофточек там море - одна краше другой, не говоря уж про фасоны разные да расцветки изумительные. Не видал он в жизни своей таких шмоток, в таком изобильном объеме, вот и малость закружилась у него голова. Пришлось даже чуток к стене магазинной спиной прислониться, чтобы опорой земную телом почуять.

Оклемался, однако, да и решил после небольшого отдыха продолжить массовые закупки товара импортного. Согласно списку.

“Фу, дело большое сделал”, - про себя он подумал, когда кофточку цветную на руку левую, в локте изогнутую, бережно повесил. Поверх плаща и сапог. Перевел дух, хотел даже список из кармана достать, чтобы его снова изучить с целью правильной координации дальнейших покупок нужного заморского товара для дальнейшего обогащения своего дружного семейства. А тут и упала кофточка с левой руки, в локте изогнутой. Пришлось нагнуться да поднять ее с пола, а потом и пылинки с нее удалять. Неудобно все-таки просто так вот с дорогими вещами как в смысле цены, так и в смысле уже установившегося с ними родства, по залам ходить, надо бы сумочку прикупить, чтобы обновку в нее аккуратно сложить, решил он.

Сказано - сделано. Взял он сумочку объемистую да все покупки в нее очень степенно и переместил. Вот теперь совсем другое дело - и рука левая, в локте фразерно изогнутая, не затекает, и очи можно направлять на заморские прилавки, а не искоса глазеть радостно на покупки, отвлекаясь от дел главных. Приятственно на светлой душе, только вот курить неимоверно хотелось. Но ради отрока, хоть и малость взрослого, чем только не пожертвуешь, ясное дело.

Перевел дух Конев, радостно списочек из кармана штанов достал да и привычно читать вознамерился. Отвлекся, прямо сказать надо, от суровой действительности. Хотя, что в этом удивительного? Хоть и закупаются покупки планоно, согласно ранее учрежденному списку, однако ж и контрольные функции забывать не следует.

Закрыл он глаза в радостном бытии. А душа его, словно в раю теплом, порхает нежно по цветочкам полевым, потому как предвкушает папашка слова благодарные от дочери любимой услышать многократно. Стал душою нежиться с твердо закрытыми глазами, словно в заоблачном полете. Вроде несут его, голубка, ангелы небесные, крепко взявши за руки. Даже рукам больно стало.

Вернулся он в действительность, для пущей реальности даже глазки оба чуток приоткрыл, ничего не понимая. Пришлось полностью очи раскрыть да на мир, его окружающий, твердым взглядом посмотреть.

Так и есть - несут его ангелы под белы ручки. Быстро - быстро. Два негра громадных, каждый под два метра, если измерять их рост в метрической системе измерения. Какую-то неприметную дверь отворяют да вместе с ним, голубком, за этой дверью скрываются. На лифт подошедший да в подвал, в офис ихний. Быстро за стол его посадили, зажимами руки да рожу в нужном положении закрепили да давай его юпитерами слева - справа, снизу - сверху освещать. Фотографировать, как понял наш бедолага, хоть и не просил он таких услуг. А теперь уже поздно отказываться, решил он, придя к выводу, что, возможно, стал он покупателем юбилейным, потому и столь велика честь, ему ими оказываемая. Даже хотел что-то сказать, что, мол, понежнее со мною, человеком уважаемым в родном коллективе за высокую мою принципиальность.

Главный негр кнопки на клавиатуре компьютера перебирать стал, вроде бы как на фортепьяно играет, а потом нажал кнопку главную, а оттель, из принтера, - фотография его растерянной рожи ползет. Приклеил негр фотку цветную Конева к бумаге, похожей

на протокол партийного собрания, да ручкой в нос Коневу тычет. Мол, на память подпиши, поганец.

Но, хоть и не хватал ранее Конев звезд с яркого небосклона, но в эту критическую минуту четко сообразил, что в переговорах с империалистами всегда можно ждать от них подвоха. Вследствие незнания ими нашего языка. Вот и вышла такая дислокация - негра ему в рожу ручкой тычет, подписать что-то заставляя, а наш голубок, ранее партийным секретарем избиравшийся вследствие своего широкого политического кругозора, мордой своей широкой в знак несогласия с проводимой неграми наглой политики крутит. Долго крутил плодовито, что даже шея тонкая заболела от движений таких резких.

Тогда негры силой попытались заставить Конева на бумаге лощеной свой автограф поставить. Заорал от явной боли наш человек благим голосом, потом добавил, что, мол, больно делаете, суки болотные. Да и в промежутки добавил случайно, что, мол, страшен он, страшен во гневе. Видать, хотел предупредить, что в гневе он поступки свои плохо контролирует, да как-то вот то ли язык прикусил, то ли губу верхнюю не совсем правильно расположил относительно своего горбатого носа, но вот только на практике вышло, что он рашен. Хоть и ошибочка звуковая с ним случилась, но сразу негры энти его испугались, взглядами длительными перебрасываться стали в полной такой неопределенной задумчивости. Даже бульдожьей хваткой уменьшили, потому как ясно поняли, что во гневе он страшен. Даже в наручниках.

- Рашен – это по ихнему означает русский, - уточнил Валера, поглядев на Диму.

- Без тебя, блин, знаю, - фыркнул тот в ответ.

- Да, это переводится как русский, - подтвердил Владимир. – Ребята, не перебивайте, прошу вас. На чем я остановился? Да, повеселел Конев, поняв, что его уважать начинают. Хоть и понемногу. Негр тот, что слева от него дислоцировался, кнопку нажал да что - то по -местному сказал. Видать, подмоги потребовал. Прошло минуты три, не более, как входит в к ним в офис явная мадам среднего возраста. И сразу промеж них возникла дискуссия, как четко понял Конев. Типа того, кто ему памятный подарок вручать будет? Лучше бы, если бы мадам, решил для себя Конев.

А мадам, совсем не похожая на леди, рот открыла да на ломаном русском языке и говорит эдак, что ему предъявлено обвинение в воровстве в особо крупных размерах. Плащ, сапоги и кофточка - вещи ценные. А вот и на мониторе импортном можно посмотреть, как он особо ценные вещи в сумку складывает, озираясь по сторонам, высматривая, нет ли поблизости охранников. Все, абсолютно все точно зафиксировано в протоколе, который он должен собственноручно подписать. Все понятно, голубок?

Замычал коровой Конев, головой замотал в истерике после слов мадам, что после подписания этого протокола дело будет передано в окружной суд. Понял он отчетливо, в какую критическую историю попал. Сразу домой, в Калугу родную, на улицу Тропарева, захотелось. Щец кислых по приезду откушать, женой вкусно неделю назад утром приготовленных. “Курить можно?” - спрашивает, чтобы выиграть время да с мыслями определиться. “Ноу, ноу, - закивали они головами. - Мы культурная нация. Но тебе, рашен, можно”.

Милая беседа с явными угрозами со стороны аборигенов продолжалась долго, в несколько его сигарет, полностью выкуренных. После сигарет просветлела у Конева светлая голова, мысль в нее прилетела.

“Прошу пригласить сюда русского консула, потому как в противном случае отказываются отвечать на вопросы ваши”, - твердо произнес он и головой в разные стороны замотал для полной убедительности.

Охранники опять стали мычать что-то по - импортному, пальцами на него показывая.

Да и мадам глазами загрузила, сразу в легкий транс упала, изредка что-то возражая загорелым ребятам. Долго перепалка меж них продолжалась, но, судя по всему, мадам верх одержала, потому как охранники сняли с Конева наручники да водицы испить предложили жестом.

Владимир замолчал, глядя взором себе под ноги.

- И чем все закончилось? - после долгой паузы спросил Валера. - Отпустили Конева?

- Все-таки заставили его подписать бумагу, в которой он обязался в течение трех лет, начиная с этой минуты, не подходить к этому магазину на расстояние трех кварталов. Со стороны обоих стрит и обоих авеню, с четырех сторон. В противном случае он сразу будет задержан охраной магазина, и его дело будет передано в суд. Ведь теперь его милая физиономия будет у каждого охранника перед глазами, как у жениха фотка любимой невесты в брачный период.

- Хорошо, что так хорошо кончилось, - вздохнул Валера. - Молодец Конев, не растерялся в столь страшную минуту. Нужно взять себе на вооружение.

- Это точно, - согласился Владимир. - После его повествования допили мы пузырек местной смирновской, покурили задумчиво. Пришел в себя Конев, затылок почесал да и гутарит, в глаза мне глядя: "Володь, мы завтра уезжаем?" Я и отвечаю, что завтра после завтрака уезжаем. Покрутив головой Конев да и говорит любезно: "Володь, выручи меня обстоятельно, очень тебя прошу. Сходи сейчас в магазин "Александр" да купи те вещицы, о коих я тебе сказывал. Согласно списку - плащ красно-бардовый, сапоги зимние да кофточка в левый рубчик по диагонали. Всего на семьсот зеленых. А я тебе в знак моей исключительной благодарности два бира подарю после этого мероприятия. Вместе потом и разопьем эти баночки".

В миг я протрезвел - ведь мне, мужику в ту пору холостому, со слов мужика вещи женские покупать в обстановке полной изобильности! Да это равносильно тому, как будто из трехлитровой банки нужного ему дождевого червя вытащить! Никак не меньше, про себя я подумал.

- И что ты ему ответил на его просьбу? - с явным интересом задал вопрос Валера. - Это я к тому, чтобы иметь опыт в своей дальнейшей туристической деятельности за бугром, коли еще доведется.

- Да ничего я не ответил. Подошел к своей обширной кровати, вытащил из-под подушки бутылочку смирновской, мною про запас туда положенную день назад, да и скрутил ей светлую головку. Разлил по стаканам - ему половину, а себе - с краем. Махнули одновременно, я повторно таким же макарон - ему малость, а себе - с бугорком. Опять же вмазали одновременно. На хлебушек издали посмотрели, рукавом утерлись - да и закурили. Как прикуривал сигарету - немного помню, а вот как первую затяжку делал - бог миловал. Ничего не помню. Так и не пошел я в этот магазин шикарный, потому как крепко перепугался его поручения, больно жутко финансового. Семьсот баксов да по курсу - машина почти по стоимости стоит во дворе. Мог ли я рисковать такими крупными финансами в далекой зарубежной стране с учетом незнания местными людьми нашего великорусского языка, интернационального по своей исторической сути? Правда, потом Конев дня три на меня дулся, пока в Филадельфии не купил вещи аналогичные, по его словам, но значительно дешевле. После этих покупок опять корешами стали.

- Пойдем покурим, - предложим Валера.

- Я не из нации культурной, потому пошли курить, - ответил Владимир. - Перед этим, правда, зайду в места не столь отдаленные да случай бродвейский вспомню практически, перед последующим историческим повествованием пузырь свой от тяжести малость освобожу.

- А я на обратном пути, после перекура этим займусь, - поддакнул Дима и прихватил с собой пустую бутылку из – под водки.

Рельсы, судя по всему, были новые, ибо вагон покачивался плавно и тихо.

Мужички выкурили по две сигареты, облегчили пузыри мочевые, вернулись в купе.

В вагоне было тихо и прохладно, и лишь пассажир из шестого купе не сачковал - храпел по-богатырски.

- Вот еще один случай интересный вспомнил, - сказал Владимир, удобно расположившись на мягкой постели. - Ты готов со мною последовать, Дима?

- А чего я? Всегда готов, - ответил Дима, облокотившись на столик.

- Итак, случай четвертый -

Купание в бассейне.

Владимир замолчал, видимо, решая, с чего начать. Потом речь повел длительно:

- После Нью-Йорка, Вашингтона, Филадельфии, Нью-Джерси, Атлантик - Сити и прочих городов американских направились мы на автобусе к канадской границе, ибо из Монреаля взлетать в сторону России нам предписано было. Позавтракали в каком-то городе, погрузились на автобус, предварительно купленные вещи в багажник автобуса осторожно положив, да и почесали федеральными дорогами. И вот в день этот, о коим я гутарю, к вечеру припилил наш автобус в какую-то местность, занятую маленьким городишком, домов на сто. Тишина - полнейшая, воздух - чистейший, настроение - изумительное, потому как все покупки сделаны, вещи грамотно упакованы.

Недалеко от трассы федеральной гостиница такая, двухэтажная, в которых приезжие горожане из представителей местных аборигенов отдыхать с семьями любят, как сказывала гид, нас опекающая. Да это даже и не гостиница, а так, двухэтажный длинный домик, вход в номера второго этажа - с галереи. Буквой гриша домик построен, поодаль - ресторан, а рядом с домиком - бассейн с водой. Водоем сеткой рабицей снаружи обнесен. Судя по всему, для порядку.

Дело было где-то в конце октября. Погода вечером - как в Анталии - влажно, но тепло, градусов под двадцать, если говорить цельсием, как пить дать.

Разгрузились мы толпою из автобуса двухэтажного, ноги затекшие размяли, вещи в номера перетаскали да и стали гулять в ожидании приглашения откусать в ресторане. На душе - и хорошо, потому как домой скоро полетим, родным подарки с трудом купленные дарить будем, и печально - ибо ночь последняя в Штатах наступает. Короче, двояко на душе. Выпукло даже как-то.

Платочком машут нам белым - отведать пищу приглашают. Мы не заставили себя долго упрашивать, гурьбою в узкую дверцу ресторанный кинулись. Кое-кому руки-ноги отдавили в спешке, но все в помещение успешно проникли. За столами четко разместились и меню бесполезно изучаем. Обслуга - мулаты - свояки родные - сплошь на их лицах улыбочки, чего изволите, мол, нас пытаются. А чего мы изволим? Конечно, жратвы побольше да бира пообъемистее.

Душевно откушали, с толком. Да и прихватили в номера, чтобы ночью было что слегка перекусить. Все вроде бы хорошо, да шельма Сидоров, мужик из Урюпинска, речугу малую пышно толкнул, что, мол, последний вечер в Штатах, надо бы отметить эту дату водочкой. По-русской привычке. Чтобы потом зимой на завалинке в Новохоперске или, скажем, в Уренгое вспомнить было что.

Раскинули мы мыслишки, в кучу их собрали да и порешили - а ведь толковую идею товарищ выдвигает! А то уедешь из Штатов, не выпимши на посошок, что потом вспоминать вечерами зимними будешь? От всего разношерстного мужского коллектива вынесли ему объемистую благодарность словесную, скинулись по шесть баксов с рожки да и поручили ему возглавить бригаду товарищей, за сминовской в бутик пешком

через минуту отбывающей.

Возникла непреодолимая проблема - вещи все упакованы, сумки однозначно вещами заморскими заполнены. А в чем жидкость горячительную нести? Дилемма, ведь не тратить же на покупку сумок баксы последние? Выручил нас мужичонка из Саранска, саранчанин - свободными у него нашлись три авоськи, вещами не заполненные. Красного цвета все - да что ж с того? Ведь мы люди не гордые, да и темно в окрестностях, где инки мирно ранее проживали, стало.

Троим, включая мужика из славного Урюпинска, и доверили столь важное дело. Они иноходью - в магазин, а остальные - маленький променаж для аппетита делать стали, а потом и стол накрывать. Оставшейся не до конца прочитанной газетой, родившейся в славном граде Мичуринске.

Свершили натюрморт - и к окну, гонцов ожидая и сок желудочный вырабатывая в требуемом объеме. Глядь - идут, потому как издали слышно в тиши, как стекло гремит в заполненных авоськах. Пришли они благополучно, мы их встретили как гостей желанных, сразу за стол пригласили. Вне очереди на грудь они приняли, потом остальным место у натюрморта уступили. Хоть и теплая жидкость белая была, но по мозгам ударила больно. Потом еще немного задрожали, по четверть стаканчика. Потом еще такую же малость приняли. Потом добавили каждый индивидуально. Как и положено, по-людски. Все идет в аппетит и на явную пользу.

Ночь еще не полностью пала на землю, как мы крепко нахрюкались, а потому все стали братьями родными, крепко и взасос подолгу лобызаясь. Само собой, березки белые, нами временно брошенные, вспомнили, о черноземных полях грустно погугарили, анекдоты раз в десятый друг другу рассказали, весело смеясь при этом.

Конечно, узко русской душе широкой в условиях американских прерий. Ведь человек русский под градусом приличным - он что? Верно, он масштабу требует. И сразу, почти немедленно.

Стали гаснуть в номерах гостиничных окна. Видать, аборигены отдыхать легли, сил набираться в полной тишине и при наличии влажного озона.

Но не спится человеку русскому, ночь последнюю в Штатах проводящему! Засасывает местный аромат трав луговых, к новым мыслям и подвигам толкая. Покурили мы неоднократно, переглянулись мутным взором - поняли друг друга определенно - надо гонцов посылать за добавкой!

Нашелся среди нас один человек разумный, комяк по национальности, гутарит, что надо, мол, экономить время до рассвета, а потому надо принести из магазина смирновской водочки побольше, чтобы не проводить зря время в дороге, сапоги понапрасну стирая.

Разумное предложение было принято радостно, с громкими и длительными завываниями. Конечно, разбудили мы криком нашим звериным аборигенов местных. Повскакивали они с постелей мягких, свет в номерах врубили да и прилипли к окнам стеклянным в надежде своими глазами орангутангов вживую увидеть. Бесплатно ж!

Мы притихли временно, их вблизи аналогично разглядывая. Успокоились они, чудики, спать снова завалились, укрывшись теплыми одеялами и головы на мягкие подушки положив.

А нам обидно несколько стало - ведь они, чукчи местные, спят в момент тот, когда наши души веселья требуют! Не по-людски это как-то. Некоторые из наших хлопцев хотели даже пойти да и морды им начистить до полного блеска. За то, что выказывают полное к нам пренебрежение своими странными поступками. Но, видать, не в той, не в совсем полной кондиции они были, если удалось их отговорить от геройских поступков. Глядь, а тут и гонцы наши стеклом звенят, дюжину бутылок местной смирновской тащя

через плечо.

Конечно, радость нас посетила великая: душа поет, планов много, идеи толпою ноги отдавливают, потому как много гонцы водки принесли. В спешке и на радостях гонцы, конечно, жратвы подкупить забыли. Пришлось нам по карманам пошарить, остатки конфет карамельных в них изыскивая. Короче, опять соорудили натюрморт славный, хоть и на немного порванной газете. Как водится, вздрогнули, потом снова задрожали, потом по кругу пузырь пустили, из горла радость в желудок наливая. Славно все, все чин - чинарем, хоть и в Америке да ночью.

Ранжиром покурили, небольшое облачко туманное над горизонтом сооружая. Анекдотики последние вспомнили, о березках белых, в поле ветром нагибаемых к земле, покалякали, о степях черноземных, опять же, поворковали. Славно так, словно у тещи на блинах. Потом еще по кругу бутылочку стеклянную пустили, потом вторую. Теперь совсем хорошо стало - дальше некуда.

А что в такой неординарной ситуации человек русский хочет? Конечно, широкой душе подвиг нужен. И не какой-нибудь там маленький или щупленький, а соответствующий. Повели мы взглядами туманными, едва соседа различая, по сторонам, но нет идеи красивой, чему можно было бы жизнь свою посвятить. Пришлось повторно головами нам крутить, цель жизни достойную изыскивая. Наконец, повезло - узрел один мужик, пензяк, что неподалеку бассейн нас ожидает, влажной водой манит.

Мысль прекрасная в воде поплавать не могла не понравиться нам, людям в состоянии светлом. Громкими криками «Вперед!» и прочими воплями ввели мы себя в раж достойный. Долго и громко мы орали, тела свои щуплые разогревая и к длительному морскому путешествию мысли настраивая. Америкашки, потомки местных аборигенов, хоть и не так ночь темна была, но сразу в нас людей изящных усмотрели - не путают с гориллами и от страха свет в нумерациях не включают. Видать, сообразили, что не с руки им под руку горячую нашу попадаться. Дошло до них, хоть и со второго раза, что уж лучше крепко под подушкой сон изображать, нежели с нами в рукопашной схватиться.

Пока мы по номерам расползались, чтобы подготовиться к принятию ванны в бассейне, приперлась какая-то мадам в сопровождении нашей гидшы. Гидша наша сразу в карьер взяла, что, мол, поганцы, ведите себя прилично, ведь не в прериях безлюдных находитесь. Да и люди местные, в номерах за баксы крутые отдыхающие, тишины полной требуют, конституцией им гарантированной. Иначе госпожа Пинсктон, представитель администрации отеля, полицию вызовет. Словом, всю малину испоганила.

Рассказчик замолчал.

Валера с интересом смотрел на него. Потом спросил:

- И что дальше?

- А что дальше? – переспросил Владимир. - Минут на шесть мы успокоились. Ушли мадамы обе, аборигены снова головы положили на подушки, а мы стоим в полном недоумении - это что же получается? Выпито много, на свои деньги, хоть и баксами прозванными, вечер прощальный, можно сказать. Душа веселья требует, а нам душой и телом размяться не позволяют! Да где? В стране с высочайшими либеральными традициями, не говоря уж об моральных устоях местного состоявшегося гражданского общества.

Перекурили мы малость да и приняли решение продолжить праздник славный, ибо не так уж и мало средств финансовых на его подготовку было истратено.

Поснимали мы с себя шмотки, туточки купленные, да и абсолютно голенькими к бассейну устремились, ибо манит водица, к себе на подвиг славный требует молодцев.

А как в бассейн попадешь, ежели окружен он сеткой, местной рабицей плетеной крепко огорожен? Конечно, маленькие трудности только раззадорили нас, хлопцев бравых, - с дикими воплями, голые, бросились мы на сетку со всех сторон, пытаюсь без помех преодолеть ее трехметровую высоту.

Правда, многие застряли на сетке – кто пальцы ног из ячеек вытащить не может, а кто пальцы рук. Висят и орут бабуинами голыми, потому как уж больно отдельным частям тела. Отдельные мальчишки, по- моему, пензяки, попытались зубами порвать сетку в клочья, чтобы сделать в ней проходы.

Но верно говорят, что во всяком деле нужна сноровка. Вот и нам, запустившим тренировки тела в связи с поездкой в эту страну и несколько хмельным к тому же, хоть и самую малость, если исходить из наших понятий, не удалось с первых десяти попыток преодолеть металлический занавес, хоть и много раненых среди нас оказалось после первых безуспешных штурмов осажденного бассейна - кто палец поранил, кто ссадину на левой ноге получил. А у некоторых кровь закапала с тех мест, где ноги крепятся к туловищу шарнирно. Из мошонок, к телам прикрепленным. Два мальчика лет под пятьдесят, по-моему, из Смоленска, на сетке яйками зацепились да и орут благим матом. Больно ж ведь!

Преодолел сетку самый спортивный из нас парень по имени Сергей. Бухнулся он в воду да и давай свою удаль наглядно выказывать, ныряя и по воде батерфляйно плавая вольным стилем.

Конечно, когда есть пример наглядный - море по колено. Через пару минут половина наших в бассейне оказалась - кто через рабицу перелез, кто через сделанные им зубами дырки в сетке. Один мужичонка даже свалился с сетки больно.

- Как Ельцин с моста. В ту минуту, когда задумался о своем народе и перил не заметил, - заметил Валера.

- Да, - согласился рассказчик. – Алкаши одинаково с моста падают. Ну да к делу. Вода хоть и хлоркой была крепко разбавлена, потому как не сезон для купания был, но теплой и бодрящей. Для тех, кто до воды добрался. А вторая половина наших, с необъятными животами, на сетке сидит да и орет благим матом - помощи требует. Но как отвлечься от приятного времяпровождения тем, кто кролем водную дистанцию радостно поглощает? Правда, спустя несколько минут у тех, кто до воды добрался, головы от хлорки болеть стали и взоры помутились. Пришлось им из воды вылезти да и поправить пошатнувшее здоровье водочкой, заодно и пищевой тракт продезинфицировать. Многим полегчало.

Проснулись в номерах америкашки да и прильнули к окнам стеклянным, готовясь отразить нашествие лесных орангутангов. Многие даже электричество врубили в своих апартаментах.

Достали мы некоторых ребят, на сетке висевших, к бассейну доставили да и на асфальт положили, места раненые водкой протерли. Да и вовнутрь принять им разрешили. Нормалец получилось, все чин - чинарем. Послали гонца в наши номера за куревом. Думаем, вот покурим да и снимем остальных хлопцев с сетки.

Стоим, курим да размышляем, не добавить ли нам по стаканчику - второму?

Владимир замолчал, грустно повел взглядом по купе. Потом быстро сказал:

- Не дали нам покурить, ироды.

- Кто? - спросил Дима.

- Полиция приехала на двух авто. Прибежала наша гидша, вторая бабенка с ней. Затеяли базар, нас от дела отвлекаая. Мол, что происходит и почему орете на триста миль?

Наши хлопцы более культурными оказались: хоть и без трусов все были, но к

стражам порядка смело подошли да и неграм в глаза заглядывать стали, их внимание отвлекая, потому как наиболее сильные и крепкие наши хлопцы хотели негров полонить сзади. Короче, завязалась мирная беседа. Минут на сорок. Гидша наша по слогам несколько раз нам объясняла, что ежели мы трусы не наденем и спать не пойдём, то нас выпрут из Штатов ближайшим самолетом. Ха, чем напугала! Мы и так утром их страну отсталую покидаем. Согласно ранее уплаченным финансовым рублевым взносам. Тогда гидша снова залепетала, что ежели мы, хамы, не разойдемся, то нас оштрафуют. Ха, говорим мы, чем напугали - у нас баксы последние полчаса назад пропиты! В развитие местного товарного валового выпуска продукции. Тогда негра, коп загорелый, отстегнул с ремня на поясе наручники и на нас посмотрел строго. Вот теперь мы четко поняли, что выпить с нами копы не хотят. Пришлось нам согласиться с условиями ихнего диктата. Нацепили мы мокрые трусы на обе ноги, стоим понуро с больными головами. Один из нас, парень из Барнаула, мычит так в сторону бассейна. Посмотрели на стеку - рабицу и мы - а там наши соотечественники по сетке кровь каплями неучтенными выпускают. Копы сняли наших хлопцев с сетки, на землю плавно опустили. В знак нашей полной благодарности пообещали мы им, что разойдемся по номерам.

Полицейские уехали, а мы спать пошли. Вот так и удалось избежать непредвиденного крупного международного скандала.

Утром пришли мы на завтрак хмурыми и злыми - сонными и с больными черепками. Вошли в ресторацию гурьбою, глаз не поднимаем. Да и запах хлорки, судя по тому, как носами повела местная ресторанный обслуга, не полностью выветрился. Особливо запах хлорки чувствовался, ежели подойти к нам было с подветренной стороны. Со стороны канадской границы.

Персонал ресторана крайне радостно и возбужденно встретил нас - улыбки шире морды, даже все вставные зубы при желании пересчитать можно. Порхают официанточки меж столов - чего, мол, рашен желает? А чего мужики желают после крепкой пьянки? Конечно, бира побольше! А кушать - так нет полного желанья, потому как голова страшно болит. Видать, плохо очищают местную смириновскую от гадостей разных. Некоторые из наших туристов хотели даже оставить персоналу рецепт, как самогон очищать с применением куриного помета. Потом раздумали - не поймут они, чукчи местные, чего желанию понапрасно изливаться?

Тыкают вилками наши хлопцы в говядину жареную, а вовнутрь практически совсем не употребляют. Тогда вышел в залу мулат с необъятной улыбкой, пальчиками помахал обслуге - глядь, тащат те по три банки бира на каждого туриста. Во, другой разговор. Живее пошла беседа. Выпили мы пивка, слопали говядину жареную, потому как предстояла дорога долгая - до самого Монреаля канадского. С пересечением двух границ - первая - со стороны Штатов, а вторая - со стороны Канады. Закурили некоторые наши земляки, другие малость всплакнули, прощаясь с прериями.

Баба, гидша наша, на часы посмотрела да и громко так говорит русским языком:

- Господа рязанцы, пора занимать места в автобусе, ибо ждёт Вас граница с таможенниками.

Мы - ноль внимания, потому как на столах бир не весь кончился. Повторно появился в зале хозяин отеля, что-то пальцами щелкнул - два мулата вынесли из закровов ящик картонный, биром наполненный, и потащили его в наш автобус, стоящим под парами, нас ожидаючи.

Вот теперь другое дело, решили мы. Стоявшие на столах пиво быстренько допили да бегом к автобусу. Многим руки-ноги в дверях отдавали, ибо никто не хотел уступать первенство в том, чтобы первым к ящику с пивом добраться. Едва двери стеклянные

ресторации не разбили, хотя стойку алюминиевую дверную заметно повредили, ее плечами согнув дугообразно.

Расселись мы в шикарном импортном автобусе, банки зубами металлические вскрываем, себя пивом чуток обливая. Вошла в автобус гидша, улыбаясь, говорит, что хозяин отеля дарит вам, рязанцам, шерстяной свитер стоимостью триста баксов. И показывает рукою в сторону гостиницы, из которой высыпала обслуга с хозяином. Те широко улыбаются, ручками машут и лепечут что-то непонятное. Типа того, что бы больше вас в глаза не видать, бабуинов русских. Это потом в вольном переводе гидша наша пояснила. Поэтому и ящик пива, как приманку, в автобус принесли, чтобы вытащить вас из гостиницы.

Стали мы похмельно спрашивать, мол, а свитер почему да зачем?

Она, гидша наша усталая и не выспавшаяся, так и сказала, что, мол, по легенде инков они таким макаром сделали подарок всевышнему, чтобы он спас их от повторной встречи от рашен.

Владимир замолчал, опустив глаза.

- Эту историю в красках нам в Австралии русские мужики рассказывали, - после большой паузы сказал Валера. - Я думал, что они просто все придумали.

- Почему не веришь? - удивился Владимир. - Совсем мало брешу. Только вот некоторые нюансы запомнил. А так все правильно рассказал.

Дима наполнил стопки:

- Давайте, блин, выпьем за русских мужиков.

Мужики выпили, стали нехотя закусывать.

- Если вы сомневаетесь в достоверности моих историй, то я могу и не рассказывать их, - почему-то обиделся Владимир.

- Да верим мы тебе, верим, - успокоил его Дима. - Расскажи еще одну такую же.

Владимир вытер губы, потом посмотрел на Диму:

- Когда ты в последний раз был в Эмиратах?

- А че я там, блин, забыл? - вопросом на вопрос ответил Дима. - У меня в России дел по горло.

- Тогда я расскажу вам небольшую историю. Совсем маленькую, но которая могла перерасти в страшную трагедию. Идет?

- Валяй, - разрешил Дима. - Как назовем эту историю, Владимир?

- Давайте назовем ее просто -

Отдых в Эмиратах.

Пару лет назад я организовал директорам двухнедельный отдых в Эмиратах. Чтобы здоровье поправить да на песочке кости погреть, - начал историю Владимир. - Напечатал дома на компьютере фирменный бланк якобы импортной конторы с непонятными реквизитами да по согласованию с директорами и направил им официальное приглашение от этой фиктивной конторы. С предложением принять участие в крупном международном экономическом семинаре. С выдачей после него международного диплома о присвоении какого-то экономического звания.

А выезжали за кордон наши директора всегда от одной туристической фирмы. На заводах ее знали. Ну, секретарши, бухгалтера и прочие финансовые работники. Поэтому я и придумал фальшивый бланк, что, якобы, на учебу их приглашает непосредственно импортная контора. А реквизиты конторы - нашей проверенной турфирмы. Вроде бы эта фирма уполномочена импортной конторой получить баксы за учебу. То есть приглашает директоров иностранная фирма, что значительно дешевле, ибо без русских посредников.

Полным согласием ответили на мое приглашение директора. Шлют факсы - когда

денежку переводить? А наша фирма - счет им по факсу и проект договора. Потому как уполномочена она организовать учебу в Эмиратах.

Короче, недели через две вылетели наши директора на учебу. Маленькой группкой, ибо не любили водить компанию за рубежом с незнакомыми людьми. Чартерным рейсом. Часиков пять в полете - и вот она, благодать: Персидский залив, прогретый песочек, влажный воздух, морские чайки, солнышко в зените, верблюды на горизонте. Отдыхай - не хочу, только лишний вес не набирай. А чего? Покупок больших делать не надо, ибо все уже накоплено. Разве что лишь прикупить несколько килограммов золотишка. Есть там один магазинчик. Наши его паровозиком называют. Не успеешь в него войти - как к тебе со всех сторон загорелые люди с распростертыми объятиями - купите, господин, вот это, да вот это возьмите. И есть там прекрасные вещишки из золота. Сам знаю.

Поселил я их в Шардже, это недалеко от столицы, которая Абу - Даби называется. В аэропорту встретила наших мужичков представительница местной фирмы, быстренько их в микроавтобус посадила - и спустя минут сорок они уже размещаются в нумерациях. По одному. В классных апартаментах.

Разместились они в замке, который, по-моему, называется "Горный орел", состоявшем из восьми двухэтажных зданий. Замок, точнее, строения, по периметру огорожены трехметровым железобетонным забором, чтобы местных арабов не развращать. Меж корпусами - открытый бассейн, столовая с русской едой - картошка вареная и жареная, огурчики соленые, капуста квашенная, щи вчерашние и прочая снедь родная. Поварята - русскоговорящие дивчины из Казахстана.

Короче - все по делу, все по уму, все для экономической учебы.

Приняли они душ с дороги - да и на часы посмотрели - уж полдник близится. Пора перекусить слегка с дороги, так, самую малость, чтобы живот к позвоночнику не прилипал.

Соорудили общий стол, все привезенное из дома - на него поставили. Критическим взором его окинули - чего не хватает? Хм, не хватает самого главного, хотя с собой каждый пару пузырей водочки захватил.

Разместились устало на креслах, беленькой головку открутили да и приступили к легкому полднику.

- А сколько их было? - спросил Дима.

- Да восемь человек. Спаянный коллектив, спитой. Временем проверенный. Ну так вот, перекусили они слегка с водочкой да и приступили к легкому выпивону, ибо давно, более месяца, меж с собой не общались. А какой разговор без стопочки? Так, одна пустая трата времени. А тут стопочку нальют, потом вторую, анекдотик вспомнят, потом другой, потом снова все повторяют. Мирно так ведут беседу, элегантно и со вкусом.

Ближе к полуночи вспомнили они, что одному их другу, Валерию Анатольевичу из Сызрани, полтинник сегодня стукнул. Ну как не отметить столь прекрасную дату?

Перетряхнули они скатерть белую, стопочки помыли - да и соорудили славный стол. И колбаска вареная, и копченая, сальцо малосольное и шпиг с перцем, сырок мягкий и чуток заплесневевший, икорочка красная и черная, курица жареная и вареная. Да чего там перечислять, если много чего там с собой привезенного было на стол поставлено - потому юбилей - он и в Азии юбилей.

Расселись поплотнее да и приступили к празднованию славного юбилея. Крепко к утру набрались, потому как тосты были от души, со значением и добрыми пожеланиями. За здоровье именинника, за здоровье детей, жены, любимой тещи, за долгие годы хорошей жизни.

Много всего толкового пожелали юбиляру в ту ночь. Хоть он и не записывал здравицы, надеясь сохранить их своей памяти. Интервалы между тостами как обычно - чтобы пуля вражья не пролетела.

Хоть и не пролетала ночью настоящая вражья пуля, но утро они встретили достойно - кто на мягком ковре, свернув ноги калачиком, спит, кто поперек широкой импортной кровати свое тело небрежно бросил, кто разместился в ванной комнате, сидя на кафельном полу. Много ж на грудь приняли, чего уж тут скрывать.

Проснулся один боец, долго смотрел вокруг, с трудом соображая, где же он находится? Потом встал на ноги, обошел апартаменты, изредка спотыкаясь об тела. Пришлось махнуть стопочку. Во, теперь он четко вспомнил, что с друзьями прилетел на отдых, чтобы здоровье малость поправить и экономических знаний приобрести.

Пересчитал друзей - все на местах, даже на душе у него легче стало. Пришлось еще стопочку махнуть, ибо радость от этого душу посетила.

Короче, часа через два проснулись хлопцы, малость опохмелились да и почесали на пляж. Покачиваясь, осторожно перешли единственную улицу с редким автодвижением, вышли к Персидскому заливу, о себе высокой волной напоминающему и влажным воздухом бодрящему. Неподалеку от отеля "Коралл бич", если кто из вас в наших Эмиратах бывал. Чудное место, тихое и безлюдное, а потоки морского озона - так просто ноздри от него парусом раздуваются.

Бросили мужики на прогретый песок махровые полотенца, одежду с себя типа шорт снимали да и упали плашмя на песок. Кое-кто на голову панамку набросил, ибо крепко греет солнце почти экваториальное. Кто сразу захрапел, кто в легкую дрему угодил. Все бы хорошо, если бы не наш анчутка именинник - приподнялся он на колени да и повел речь корявую. Что, мол, надо его юбилей отметить. На пляже, под шум прибоя волн заморских. По стопочке. Или по две. На чудном пляже заморском. Благо, бутылочку он с собой прихватил. Правда, стопочек нет, ну так что из того? В случае острой необходимости можно и просто из бутылочки горлышко промочить.

- В арабских странах пить нельзя, - перебил Валера. - Без суда и следствия по законам шариата посадят в тюрьму. До конца дней.

- Да знали они об этом, знали, - успокоил его Владимир. - Как и то, что в местных тюрьмах кондиционеры установлены.

- Во, блин, живут же люди, - удивился Дима. - Хоть и в тюрьме. А что дальше?

- А что дальше? Ну кто ж устоит против прекрасного предложения? Привстали мужички на колени, держась друг за друга, да и пустили посудину по кругу. Все бы хорошо, если бы не упал на песок именинник. На живот, лицом на песок горячий. Конечно, пришлось мужичкам помочь ему привстать. Как не помочь товарищу, попавшему в беду, тем более слегка выпившему?

- Это точно, - подтвердил Дима. - Людям помогать надо.

- Минут пять пытались на ноги его поставить, но ветер мешал. Со стороны Персидского залива. То приутихнет, то резким порывом с ног мальчиков на песок повалит. Хотя, если по большому счету, это и спасло наших хлопцев.

- Как ветер мог помочь мужикам? - спросил Дима.

- Да элементарно, друг мой Дима, - ответил Владимир. - Когда поднимался на ноги из один из мужичков, то краем глаза увидел, что вдоль залива к ним медленно приближается полицейская машина. Патрульная, судя по всему.

Вдрызг перепугались мужики. Оно и понятно - кто ж хочет провести остатки своей жизни в тюрьме, хоть и с кондиционером? Загоношились они, стали мутными глазами переглядываться меж собой. Что делать? Бежать поодиночке или толпой? А далеко ли убежишь, если ноги не слушаются? Да и куда бежать? В Россию? Через Персидский

залив? Это нереально. Тут и до воды-то дойти проблема. А полисмены уж близятся, уж номера на машине видны. Холеные такие копы, хоть и не в ладах с нашим, русским, языком.

Владимир замолчал, уставил взор на свои руки, лежащие на коленях.

Дима всплакнул и вытер кулаком слезу.

- Не пропали наши мужики, выручила их русская смекалка, - быстро продолжил повествование Владимир. - Трое из наших, самые трезвые, быстро - быстро руками выкопали в горячем песке ямку. Не глубокую. Так, метра на полтора глубиной. Если в плане ее измерять горизонтально - то примерно два на три. Метра, конечно. Бросили на дно ямы два махровых полотенца, подкатали к ямке именинника да и столкнули его в нее. Сверху на его лицо полотенце бросили, чтобы дышать ему, бедолаге, было легче. Да и засыпали песочком.

А сами вокруг прилегли - вроде как в картишки играют. Некоторые мужички держали карты рубашкой вверх. Изредка на супостатов краем глаза поглядывают. А они, полисмены проклятые, неподалеку остановились, вышли из машины да и давай мирный променаж совершать. Что и неудивительно, если рассуждать по местным понятиям. Ведь нет там у них, аборигенов местных, преступников. Я имею в виду, чтобы на каждом перекрестке, как у нас - куда не плюнь - харя бандитская торчит.

Минут сорок вдыхали копы морской воздух, тоже поглядывая на людей белых. Видать, приняли наших хлопцев за нормальных людей, если спокойно уехали налегке.

Только скрылась за поворотом вражья машина - одолела наших мужичков радость неопишуемая. Да и понять их можно, потому как вправе они теперь надеяться вернуться домой, в Россию, а не доживать свои дни в тюрьме арабской. Хоть и с кондиционером и на мягком матрасе. Вскочили на ноги да давай от радости шальной прыгать да песни петь. Весело так, хоть и мирно.

Потом вспомнили и об имениннике. Да вот забыли, в каком месте ямку выкопали. Да оно и неудивительно, если войти в их положение. Кое-кто даже стал нервно рассуждать, что, ежели бы их, к примеру, стали арестовывать, то нужно ли было бы говорить полисменам о Валерии Анатольевиче, ими в песок закопанном?

Голоса примерно поровну разделились. Одни утверждали, что нельзя было о нем копам говорить, чтобы спасти его от неминуемой тюрьмы. Хоть и с кондиционером. Другие, напротив, страстно утверждали, что если бы о нем не вспомнили при аресте, то превратился бы Валерий Анатольевич в современного фараона бледнолицего.

Не пришли, в общем, к единому мнению. Даже самую малость повздорили, не без этого.

Потом успокоились. Стали кумекать, с какого места арабского полуострова траншею копать для изволения именинника? Тут нельзя ошибаться - ведь велика ли производительность труда при сооружении траншей в ручную, без вспомогательных приспособлений, в такую жаркую погоду? Да и солнце припекает сильно, даже кожа почернела у некоторых отпускников.

К концу дня напали на ранее сооруженный склеп. Вытащили Валерия Анатольевича из ямы, осторожно на песок положили, пустив слезу от радости.

Постояли над телом, всплакнули радостно. Кто-то предложил выпить за успех предприятия, но как выпьешь, если кто-то с испугу закопал посудину в песок, испугавшись полисменов?

Постояли над телом спящего товарища, поклялись, что не уедут домой одни, без него. Потому как крепко они ценят мужскую дружбу и мужскую верность. Кое-кто малость протрезвел, это точно. Поэтому и предложил, что, мол, надо отнести именинника в отельные апартаменты.

На том и порешили. Завернули его в три махровых полотенца, двое на свои плечи тело его богатырское закинули да и почесали в свой замок. А как через парадную калиточку замка пройти, не вызвав обоснованных в чем - то явных подозрений и ненужных вопросов со стороны обслуживающего персонала? Как пронести товарища внутрь апартаментов да положить его в кровать? Желательно, конечно, лицом на подушку.

Почесали хлопцы свои репы, изыскивая разумные решения. Да и пришли к умному решению - через забор его, родного, надо перебросить.

С шестой попытки перебросили его, спящего, через трехметровый железобетонный забор. Удачно так он приземлился, даже не проснулся. А сами через проходную в замок проникли. Нашли именинника, от песка его лицо протерли да и отнесли в нумерацию, положив на кровать мягкую.

- А с другой стороны забора его ловили? - спросил Валера. - Он ничего себе не разбил?

- Нет, никто его не ловили, и он ничего себе не разбил, - успокоил его Владимир. - Он же на живот каждый раз падал. А на той стороне забора зачем его ловить? Он что, маленький, что ли? Правда, едва заметные вмятины в асфальте остались. Судя по всему, от его падений.

- Плохой у них асфальт, - со знанием дела сказал Дима. - Мало в него щебенки добавляют. Экономят, блин, на всем, местные бабуины.

- Я думаю, что асфальт стал мягким от жаркого солнца, - выдвинул свою версию Валера.

- Такие скупердяи, а туда же, блин, в мировую цивилизацию прутся, - не мог успокоиться Дима.

- Давайте выпьем за твоих орлов, которые в огне не горят, и в песке не тонут, - предложил Валера.

Дима наполнил стопочки. Мужики вздрогнули, стали закусывать.

- Пойдем покурим? – предложил Дима.

- С удовольствием, - поддержал предложение Владимир. – Заодно и отдохну языком своим.

Они вышли в безлюдный коридор вагона. Было тихо, лишь из шестого купе доносился прерывистый храп.

Мужики курили в тамбуре, изредка подходя к окну вагона и пытаясь что-то разглядеть в кромешной тьме.

- Смотри, не перевелись веселые люди в России, - показывая пальцем в окно, сказал Валера.

- Что там увидел? – спросил Дима, безуспешно пытаясь что-то увидеть в темноте.

- Огромный транспарант на тепловозе с надписью «Тепловоз обслуживается в одно лицо!» Ты, Дима, и понятия об этом имел.

- Что верно, то верно, - согласился Дима. – Теперь ночами, блин, спать крепче буду.

- Пошли продолжать наши воспоминания? – предложил Владимир. – Я случай один дюже интересный вспомнил.

Мужики вернулись в купе. Валера повернул ручку вагонного радио, и спустя секунду из него хриплыми голосами раздалось: «Я тебя не слышу, ты меня не слышишь...»

- Да выключи ты дуэт этих глухонемых, - вспылил Дима. – Нельзя, блин, нормальных людей перед сном пугать такими страшилками.

- Мне в метро понравилось одно звуковое объявление, - сказал Владимир. – «Предлагаем вам положить в наш банк не менее ста тысяч рублей и получить реальный шанс по снятию вашего вклада».

- А мне вот эта реклама нравится, - сказал Дима. – Бери от жизни все: «сникерсни –

прыгни с балкона – ты этого достоин – не тормози!»

- В последние годы мы все живем по правилам «Шестой палаты», - согласился Валера.

- Я бы, блин, этих авторов, которые придумывают тексты рекламных роликов, головой об стенку, - сказал Дима. – Совсем достали.

- Давайте не будем о плохом, иначе можно повеситься, - предложил Владимир. – Готовы слушать мою историю?

- Как ее назовем? – спросил Дима.

- Пожалуй, эту историю назовем -

Коррида.

- Валяй, блин. Коррида – так коррида, - согласился Дима.

Владимир поудобнее расположился на полке, положив за спину подушку и начал повествование:

- Это был круиз русских, украинских туристов по Средиземному морю. С отплытием из Одессы. На теплоходе «Дмитрий Шостакович». Славное такое суденышко, уютное.

Наш путь лежал в Италию, Францию, Испанию с заходом на Мальорку, Мальту, Грецию и Турцию. Прекрасные города посетили – Рим и великий Ватикан, Марсель и Барселону, Пальма -де- Мальорку и Ла-Валетту, Афины и Стамбул. Какие разные, но такие прекрасные города!

Владимир вздохнул, потом продолжил:

- Может быть, удастся еще разок там побывать. А моя история связана с Марселем, изумительным городом, расположенном на юге Франции.

В Марсель мы пришли после полудня. Погода – прекраснейшая, хоть это было где-то в конце октября, настроение – изумительное.

- Говорят, очень красивый город, - перебил Валера.

- Очень красивый, - подтвердил Владимир. – Пришвартовались. После ужина высыпали туристы толпой на берег, по городу растекаясь. Улочки узкие, местность гористая, достопримечательностей – море – тут тебе и известнейший музей воды и красивейший монумент «Хранительницы города». Все эти шикарные познавательности посетили с утра следующего дня.

А после сдвинутого на час вперед обеда повезли на шикарных автобусах вглубь материка, на виноградники. Прodeгустировать французское вино нового урожая. Никто не возражал. А чего возражать, если это мероприятие оплачено?

Часик в пути – и вот встречают наших туристов хозяева любезные, просят выйти из автобусов да ножки затекшие размять. А по плану, после дегустации вина нового урожая, предстояло нашим туристам посмотреть потешную корриду. То есть не настоящую, потому как не любят французики, когда животных убивают.

На этой ферме, как объяснили нашим любознательным туристам, выращивали бычков. А по достижении бычками трехлетнего, по-моему, возраста продавали их испанцам. Для настоящей корриды.

Любезные хозяева встретили наших туристов радушно. Пожилой француз верхом на вороной лошади такие кренделя выписывал – то на дыбы лошадку поставит, по заставит ее боком скакать, то преклонить передние ноги.

Туристов – сотни две, или около этого. Основная масса – лучшие представители какого-то автомобильного завода.

Перекурили мы многократно, стали ждать приглашения винишка отведать.

Глядь – и правда к столам приглашают. Посредине лесной поляны сооружен легкий навес со скамейками на две сотни гурманов.

Заняли мы исходные позиции за столиками, правда, перед эти несколько кольев плечами поломав, на которых постройка держалась, потому как все старались занять лучшие места.

Расположились на скамьях, у многих слюна капает на брюки – уж больно хочется отведать вина французского. Ведь оно дармовое! Не так часто крупно везет в жизни, чтобы подойти к дегустации вина спустя рукава.

Перед каждым дегустатором – литровая глиняная кружка. Что весьма разумно. На столиках – фруктовая закуска – виноградик многосортный и прочая вкуснятина. Для аппетита.

А подавали вино молодые француженки, разодетые в русские сарафаны, в пятилитровых кувшинах. Приносили по два кувшина на пятерых мужиков. Красное вино такое, игристое. В меру охлажденное.

И пошло мероприятие славно. Изысканная дегустация проистекало весьма мирно, короче, всем чин - чинарем. Все по плану.

Через полчаса оказалось, что не успевают девочки местные кувшинчики носить. Пришлось хозяину этого мероприятия удвоить их количество да и попросить ножками перебирать почаще.

Опять все хорошо стало. Минут на двадцать, или около того. Потому как снова оказалось, что опять простаивают кружки мужиков пустыми. Снова удвоил француз количество молоденьких девчат. Те уж не пешком ходят – ласточками летают!

Плодотворно пошло время. Все при деле. Ни у кого нет никаких принципиальных претензий к этому славному времяпрепровождению.

Поступило предложение приступить к дегустации белого винца, оценить его изысканный аромат.

Никто не возражал – белое вино – так белое, лишь бы девочки быстрее перемещались меж столов. Пришлось хозяевам заменить кружки на двухлитровые и кувшины на десятилитровые, ибо стали с ног сбиваться французские девочки. Не предполагали хозяева, что дегустация так интенсивно проистекать будет. Пришлось вносить коррективы в это мероприятие спонтанно, а что делать?

Опять все хорошо стало. Тихо и спокойно. Так и потекло продуктивное время незаметно и с явной пользой для желанных гостей.

Посмотрел француз главный на пьющую братию да и пригласил местных хлопцев на выручку. Чтобы отнести некоторых наших туристов в легкие туалетики, ибо пора настала облегчить пузыри мочевые – ведь принято на грудь многолитражно!

Вот и получилась такая дислокация – кое-кого из туристов ведут французики под руку в места укромные, а кое-кого на плечах бегом несут. Нашим туристам только и оставалось, что ширинки штанишек расстегивать. В основном, вовремя. Но не всегда. Короче, все путем и по плану.

Встает наша гидша да и заявляет громогласно, что, мол, пора заканчивать дегустацию вина да идти посмотреть потешную корриду. Ибо заждались бычки наших мужичков.

Крепко обидела она наших туристов этими словами глупыми. Это как же так? Вино дармовое, хоть и нового урожая, а их от кружки хотят оторвать да к каким-то бычкам приглашают! А о чем с ними речь вести-то? Нет, не хотят мужички со скамеек вставать, не хотят прекращать родственные отношения с французской кухней, имеющей такой заслуженный авторитет в мире! Почитай, хотят лишить смысла дальнейшей жизни!

Некоторые туристы даже попытались привстать из-за скамейки, а некоторые, наиболее прямолинейные, даже пригрозили, что в знак протеста здесь намерены ночевать. С кружками, им ставшими такими родными.

Несколько наших человек выдвинули прекрасную идею – пригласить бычков сюда, к

их шалашу. Мол, есть о чем с ними потолковать да мыслями поделиться.

Гидша наша – душою на небесах и лицом в два раза белее белила стала. Вдобавок и руки стали трястись. Не слишком закаленным человеком оказалась.

Щелкнул пальчиками француз главный – по кружечке мужичкам винца добавили. Некоторые хлопцы после этого благодарно глазки закрыли, второй сон просматривая.

Налетели молодые французики на мужиков наших коршунами – на плечи их забрасывают да бегом несут на трибуны небольшого стадиончика. Рассаживают грамотно – вплотную, плечом к плечу, чтобы не упали с трибуны.

Хотя, как водится, некоторые мужички, самые стойкие и сознательные, попытались сами ножками перебирать. Не всегда в нужном направлении. Пришлось хозяевам изыскивать наших дегустаторов по опушке леса да на трибуны носить. На что около часа ушло. Или около этого.

Успокоилась наша гидша, лицо себе вернула, потому и появилась на трибуне прилюдно. Пересчитала она наших дегустаторов – вроде все на местах, при деле. Малость отлегло у нее на сердце. И началась потешная коррида на радость мужичкам, крепко спящим.

На арену стадиончика выехал на белой лошади француз почтенный да давай кренделя выписывать – то заставит коняку бочком перемещаться, то галопом по кругу носиться, то танцевать, то на дыбы становиться. Весело так, познавательно. Тем, кто не спал крепко.

Вышла на арену стадиончика наша весьма и весьма известнейшая певица, с теплохода нашего. Хорошим голосом и уважительно спела три песенки. Одну из них и колыбельную. Типа того, что «носики - курносики крепко спят».

После этого началась потешная коррида. Французы ведь не уважают ее своим нутром тонким, не милы их сердцу эти дурацкие развлечения с убийствами невинных животных.

А эта ферма, повторюсь, выращивала бычков для последующей их продажи испанцам для настоящей корриды. Так сказать, разделение труда.

На арену бычков выпускать стали по три штуки. Выбегут они на арену, встанут статуино да давай мутными глазами вокруг озираться. В поисках супостата. Землю копытами перекапывая, словно нефть в недрах изыскивают.

Молодые тренированные французы, шустрые такие хлопцы, осторожно выскакивают на арену и давай бычков дразнить, их в бока длинными палками тыкая нещадно.

Побегут бычки за парнишками, норовя поднять тех на рога, а они от быков – кто на трибуну запрыгнет, кто спрячется за специальными деревянными укрытиями.

Смеются русские туристы, те, кого сон не сморил окончательно. Хоть и мало таких было на трибунах уютного стадиончика. Весело так проистекает славное мероприятие, познавательно, потому как идет оно без крови и планово, хоть и со значительной задержкой по времени согласно ранее утвержденному протоколу.

Бычков меняли раз десять. Отработают бычки на арене минут пять, после чего загонят их в загоны, чтобы других, более свежих, на арену выпустить.

Окончательно успокоилась наша гидра, стала душой и телом отдыхать, чистый воздух чрез ноздри вдыхая регулярно.

Загнали очередную партию бычков в загон, чтобы песок на арене разровнять перед тем, как новых быков выпустить. Минутное это дело. Народ на трибунах стал активно просыпаться, потому как молодое вино – оно и во Франции молодое. Не стойкое, я имею в виду. Быстро, судя по всему, разлагается в организме на воду и прочие продукты углеводородные.

В это время один из наших туристов, поганец окаянный, проснулся окончательно.

Видно, захотелось ему стать активным участником международного спортивного мероприятия, не захотел быть сторонним и безучастным наблюдателем этого славного праздника.

Выбежал он на опустевшую арену, меж ног дрын деревянный тацит, арабскую скаковую из него изображая. А второй палкой, маленькой, лупит клячу нещадно, ибо слишком медленно бежит она, лошадь арабской марки, по арене, его перед французами позоря.

И стал по кругу таким манером носиться.

Ошалели бедные французики от этого явления Христа народу. Дюже испугались за жизнь этого идиота, потому как вот-вот должны открыться ворота загона и бычки с секунды на секунду на арене появятся.

Точно, выскочили быки на арену, нервно встали позиционно да давай мутными глазами бешено вращать – потому как видят они, что несется на них существо странное на многих ногах, дорогу им уступить не желая.

Конечно, кому это понравится? Тем более диким существам. Да еще с крепкими рогами.

Стали быки копытами песок с арены через трибуны выбрасывать, силы могучие накапливая, чтобы в неравной схватке сразиться с инопланетным иродом, к ним на трех ногах приближающимся.

Парнишка на быков – ноль внимания, ибо нет у него важнее задачи, как заставить клячу шустрее ножками перебирать. Уж больно медленно скачет она по кругу, хоть и лупит палкой он ее нещадно.

Многие проснувшиеся мужички отвернулись от арены, не желая наблюдать, как поднимут быки на свои острые рога парня молодого, хоть и идиота по сути. А дамы – так те в обширный обморок упали, как натуры наиболее чувствительные и эмоциональные. Прямо на скамейки стадиончика попадали, в разных интересных позах.

Скачет парень по арене мимо трибун тихих, стремительно сокращая расстояние с быками.

Уж метра два осталось до роковой встречи. Потом еще меньше. Завизжали туристки русские, те, кто не успел ранее в обширный обморок удалиться, завизжали дикими голосами, ибо не могут они отменить роковую встречу парня с быками. Потому и стали они массово падать в бессознательном состоянии на каменные порожки стадиона. Меж скамеек. И в проходах.

Продолжает скакать на арабской лошади наш герой, палкой клячу награждая. Опустив голову ниже пояса. Теперь и быки четко поняли, что не избежать им встречи с этим чудовищем, сверх меры наглым. Придется примерно его наказать, решили промеж себя молодые бычки, к небу задрав хвосты трубою.

Сорвались быки с места и устремились на врага. Вперед выставив острые рога. Три быка злых против одного мирного парня с нашего теплохода.

Громогласно разнеслось над южными регионами Франции «Стой!»

На одну миллионную долю секунды замешкался парнишка, не успев поднять голову.

Этого мгновения хватило одному нашему туристу, чтобы за шкуру поднять хлопца на трибуну. На одну десятитысячную долю секунды раньше, чем врезались в железобетонные трибуны молодые быки. До основания поломав острые рога. И повредив трибуны значительно.

Рассказчик замолчал, украдкой посмотрев на Диму, вытиравшего кулаком слезы.

- Давай выпьем за здоровье Владимира Васильевича, - тихо предложил Валера. – С благодарностью за его поступок.

- Какого Владимира Васильевича? – удивленно посмотрел Владимир на него.

- За здоровье того мужика, который спас моего племянника от неминуемой смерти. За директора автозавода Владимира Васильевича Каданникова. Широкой души человек. С тех пор мой племянник Гриша ежегодно телеграфно поздравляет его с Новым годом, искренне крепкого здоровья желает. Весьма благодарны мы Владимиру Васильевичу за его геройский поступок.

- Как тесен мир, - растерянно произнес Владимир.

Валера наполнил стопочки:

- За здоровье Владимира Васильевича. С величайшей благодарностью от всех Петровых, оставшихся в России.

Мужики выпили, стали закусывать.

- Своего сына Гриша в честь своего спасителя Владимиром назвал, - уважительно сказал Валера.

- Что ж, хорошее имя, - согласился Владимир. – Правильно сделал, что такое имя хорошее сыну дал. Пойдем покурим?

Попутчики вышли в тамбур. Выкурили по сигарете. Потом еще по одной. Вернулись в купе.

- Ребята, я сейчас проверю, как спит моя незабвенная, и приду, - сказал Владимир.

- Я думал, что он все эти истории выдумывает, - тихо сказал Дима, когда они с Валерой вошли в купе. – Думал, блин, складно он сочиняет.

- Думаю, он ничего не придумывает, - ответил Валера. – Просто он много бывал за бугром, а там наши мужики могут чего разного вытворять.

- Из этих историй можно, блин, книгу написать.

- Конечно, можно. Даже ничего не приукрашивая. Если с музой дружить.

- Спит моя красавица, крепко спит, - в купе вошел Владимир. – Даже не стал ее на правый бок переворачивать. Ну что, по стопочке?

- А кто возражает? – удивился Дима.

Владимир наполнил стопки:

- За что?

- За бытие наше счастливое, - преложил Валера.

Они выпили, нехотя закусили.

- В Австралии мне один познавательный случай рассказали, - нарушил тишину Валера. - Если народ не возражает, то могу вкратце поведать эту историю. Хоть и не так красочно, как Владимир.

Никто не возражал.

- Ну так вот. Этот случай произошел с двумя нашими мужиками в Америке. Крепко пострадали они от своих длинных языков. В финансовом плане, я имею в виду. Захотелось им, идиотам, над нашей действительностью поерничать и поиздеваться, все наши демократические успехи и либеральные достижения последних лет в черных тонах представить. Перед незнакомым человеком. Хоть и жившим раньше в Союзе. Да, весьма поучительная история. Для тех, кто часто за кордоном бывает.

- Валяй, рассказывай, - попросил Владимир. – А я заодно языком отдохну.

- Как назовем эту историю? – спросил Дима.

- Если не возражаете, я бы назвал этот случай без особого пафоса –

Бесплатное оплаченное угощение.

Валера поудобнее уселся на полке, откинувшись на стену вагона и приступил к повествованию:

- Эту историю мне живописно поведал в Австралии один наш мужик. Из нашей группы. Давайте назовем его Женькой.

Так вот, во время очередного пребывания в Штатах подружился Женька с одним

мужиком из Тамбова по имени Борис. Тоже директором одного завода и тоже за бугром бывающим относительно часто. Короче, быстро нашли общий язык. А что? Массовые закупки импортных шмоток совершать не надо, потому как давно уже все закуплено. Что остается делать мужичкам? Конечно, прогулки совершать да городом любоваться. Нью-Йорком.

Надумали друзья вдвоем прошвырнуться в сторону Брайтон-бич. С местными русскими покалякать. А что? Имеют полное право узнать, как одесситы себя чувствуют в импортном городе с высокими либеральными традициями. Может быть, они бы и не решились на такую прогулку, если бы вчера поздно вечером Борис не обыграл на кругленькую сумму в баксах Витьку Воронина, директора завода "Кинап". Вот игра была у Бориса - то мизер, то восьмерная после семерной, то единичку в пулю запишет на распасах. А пытается играть Витька - то без трех на шестерной, то без двух на восьмерной, то на три взятки на мизере влетит.

Крупно Витька проиграл, хоть и не так дорого вист стоил – лишь пять баксов за вист.

Женька – то остался при своих. Зато время провел плодотворно, над Витькой изредка посмеиваясь.

Правда, возможно потому Витька крупно проиграл, что немного выпимши был.

После игры ненароком спросил Борис Витьку, где это он махнул в одиночку?

Раскололся Витька, сознался, что весь день провел на Брайтон-бич, в легком кафе. В обществе одного старика, хозяина того заведения. Милый такой старикашка, любознательный такой еврей, все о России спрашивал. А почему это, а почему так?

Сказал Витька, что старик этот, Ефим Шаевич, крепко не любит последних новаций в России, не одобряет последние тенденции развития демократического общества. Как и дела первых двух президентов. Особенно второго. Витька это сразу понял, потому и перенес акцент своих рассказов на него. В знак благодарности за бесплатное угощение с хорошим выпивомом.

Между дел Борис и спросил Витьку, а где находится это кафе, как найти?

Витька показал на карте. Легко искать, правда, идти далековато.

Запала Борису мысль светлая в голову – надо пообщаться с бывшим земляком, о земных проблемах поговорить бы надо.

Пришлось Борису посвятить друга по гостиничному номеру в свои замыслы. Женька отнесся к хорошей идее бесплатно откусать с выпивкой вполне адекватно – полностью ее поддержал.

Позавтракали Борис и Женька вместе с группой, а потом под каким-то важным предлогом и откололись от нее.

Поднялись в номер, переоделись, денегат прихватили. На всякий случай. Карту города взяли да и направились в сторону Брайтон-бич.

Чешут Борис и Женька по стриту через авеню поперечные. Настроение хорошее, ибо погода прелестная, хотя баксы малость карманы оттопыривают. Да и мысли о предстоящем бесплатном пикнике душу радуют. Не без этого. Идут и мирно меж собой ведут светскую беседу, разрабатывая сценарий предстоящей беседы со стариком. На чем делать акцент в разговоре, а о чем промолчать. Многому чему полезному проинструктировал Борис Женьку.

Спустя некоторое время захотелось им испить водички прохладной. Стали они головами по сторонам крутить. В поисках легкого кафе или что-то типа этого. Так и пришли незаметно на Брайтон-бич.

Смотрят – кафе легкое, кресла пустуют, совсем мало посетителей. Похоже на то кафе, как Витька рассказывал.

Подошли, стали изучать ассортимент воды прохладной, меж собой изредка

переговариваясь и глазами старика изыскивая.

- Что хотят изволить молодые люди? – подошел к ним благовоспитанный старичок с бородкой. – Прикажете принести водочки русской или пива местного?

- Да нет, - отвечает ему Борис. – Холодной воды испить хочется.

А у самого маленький озноб по спине пробежался - нашли нужное кафе и еврея встретили. Не обманул Витька. Придется в порядке отката пивком его как-нибудь вечером угостить. Лучше сегодня.

- Тогда прошу Вас, молодые люди, к столику, - предложил старичок. – Честь имею представиться: Ефим Шаевич. Отец хозяина этого кафе.

Мужики назвали свои имена.

- Молодые люди давно прибыли к нам из России? – спросил Ефим Шаевич, заглядывая в глаза Борису.

- Неделю назад, - ответил Борис.

- Впервые в нашем городе? – опять спросил старичок.

- Нет, раз пять точно раньше бывал, - ответил Борис.

- А вы, Евгений?

- В третий раз приехал.

- Ну вот и хорошо, молодые люди. Сейчас мы с вами за знакомство и выпьем.

Мужики для видимости стали отнекиваться - не хотим, мол, водку пить днем. Мол, планы у них могут нарушиться.

- Я угощаю! – гордо предложил Ефим Шаевич. – Прошу к столу!

Мужики снова стали артачиться, что, мол, баксы у них при себе есть, и много. А принимать приглашение старого человека им как-то неудобно. В общем, маленький концерт устроили.

- Право, вы меня расстраиваете, молодые люди. А ведь мне, старому еврею, никак нельзя волноваться. А вот поговорить с хорошими людьми хочется, недавно из России приехавшими. Очень мне все интересно. Что нового у вас, как жизнь народа протекает? Не обижайте меня, добрые люди. Поговорите со мной. А я вас шашлычком угощу.

Приняли его приглашение мужики.

Расположились за столиком. В тени, под навесом.

- Давно уехали из России? – спросил Борис старика.

- В начале перестройки. В середине восьмидесят шестого.

- А кем у нас работали? – спросил Женька.

- Заведовал крупной оптовой продовольственной базой, - не без тени удовлетворения ответил старик. – Известным человеком был в Туле.

- Уважаемым, - согласился Борис. – Должность обязывала.

- Что желают молодые люди? Водочки русской или пивка для рывка?

Остановились на пиве прохладном. Для начала.

Щелкнул пальчиками старик – подскочил к столику молодой парень, голову склонив пред ним.

- Будь любезен, Веня, принеси-ка нам три баночки пива, вяленой рыбки. В общем, как обычно. Постарайся для хороших людей.

Принял заказ парень и поспешно удалился.

- Да вы не волнуйтесь, друзья мои. Ведь не каждый день я встречаюсь с бывшими земляками. А мне так интересно узнать, что там у вас происходит, - успокоил мужиков старик.

Мужики немного успокоились. Да и подарок судьбы ценить надо – ведь дармовое угощение не каждый же день перепадает.

Принес Веня несколько банок пива, тарелочку вяленой рыбой, три бокала.

- За знакомство, - предложил тост Ефим Шаевич.

Они выпили, стали разделять рыбу.

Веня принес еще три банки пива.

Мужики выпили. На душе стало тепло.

- Жил я в Туле, как сыр в масле катался, - ударился в воспоминания старик.

- А чего же уехал? – спросил Борис.

- Сын попросил. Он раньше меня сюда перебрался. Да и потом нельзя старость встречать в одиночестве. Вот и пришлось через океан переместиться.

- По России скучаете? – спросил Женька.

- Теперь реже, а вот раньше часто скучал. Да и не осталось у меня там почти никого из родных. Все уехали из России. Кто где устроился.

- В Штатах? – спросил Борис.

- Да. Тут климат для жизни хороший. Да вы пейте пиво, не стесняйтесь. Право, чего боитесь? Ведь я угощаю!

Женька наполнил бокалы и предложил:

- За ваше здоровье.

Они выпили.

Ефим Шаевич качнул головой – и у стола появился Веня.

- Бутылочку водочки, пару бутылочек воды, салатика. Шашлычок свиной в трех экземплярах. Как обычно.

Веня покорно наклонил голову и поспешил выполнять поручение.

- Дороги в России теперь стали лучше? – спросил Ефим Шаевич.

- С ними навели порядок, - четко ответил Борис, хорошо помня наставления Витьки. В том смысле, что нужно как можно сильнее опорочить последние достижения России. За последние годы. – Через каждые сто метров поставили предупреждающие знаки, что дороги разбитые.

Веня расставил на столике водку, закуску и удалился.

- Поухаживай за нами, - попросил Ефим Шаевич Бориса. – Если не возражаешь, наполни стопочки.

Борис не имел принципиальных возражений.

Они выпили водочки. Стали закусывать.

- Удалась вам перестройка? – спросил старичок. – Завершил Горби начатое?

- А он ничего и не перестраивал, - зло ответил Борис. – Просто развалил все, трепач меченый.

- Что так? – встрепнулся Ефим Шаевич.

-А ничего, - зло ответил Борис. – Оборонку развалил, захотел сковородки делать на оборонных предприятиях, шалопай. Довел страну до голода. А Восточную Германию бесплатно Западу отдал. Не меньше семидесяти миллиардов могла страна за это получить. А он захотел голубком в глазах Западу выглядеть, охламон. Посадил страну на долги перед Западом, как наркомана на иглу. Наши войска оттуда вывел – да и поселил среди степей.

- Ну ошибся он, наверно, в этих вопросах, - миролюбиво предложил Ефим Шаевич. – С кем не бывает.

- Вот это да! «С кем не бывает!» Он что, пастухом нанялся работать? – Не на шутку разошелся Борис. - Ему доверили о народе заботиться, а он, прохвост, о лавровой ветке стал мечтать. Почему не арестовал трех государственных преступников, когда они в Беловежской пуще страну разваливали? Почему не направил туда роту спецназа, почему не арестовал прохиндеев? Да ладно, чего уж там. Не хочу тратить время на

такие темные личности.

- Но ведь он начал демократические процессы, - отметил Ефим Шаевич.

- Конечно, это никто не отрицает. Но каждое дело делать надо с умом, - возразил Борис.

- А чем сейчас Горби занимается? – спросил старичок.

- Без понятия. Наверно, сдает в аренду государством подаренные площади. В Москве. На Ленинградском проспекте. А если уж на хлеб не хватает, то на рекламе пиццы подрабатывает. Давай, Ефим Шаевич, о чем-то другом, а то у меня настроение при его упоминании портится. Не хочется обсуждать глупые деяния бывшего комбайнера. Как и делишки его последователя, такого же президента.

- Это кого же? – подался телом вперед старичок.

- Не состоявшего второго Петра Первого. Идею борца с привилегиями. В кавычках. По части выпивки – Петра переплюнул, а в части умишка – бог миловал.

- А почему ты так плохо о них говоришь? – удивился Ефим Шаевич. – У нас, в Штатах, о них хорошо отзываются.

- Если при царе народ начинает вымирать, то на березу надо того батюшку. Вот мои тезисы, - зло ответил Борис, радуясь в душе, что выбрал верный тон разговора.

- Да, второй президентик возомнил себя царьком, спасителем народа. На уровень Петра Первого мечтал подняться, - подтвердил Женька, решив не отставать от Бориса в очернении нашей страны и лучших ее представителей.

- Во, блин, о чем по пьянке мечтать надо, - перебил Дима рассказчика.

- Да, конечно, - согласился Валера. – Дим, не перебивай. На чем я остановился?

- На человеке с пятном, - подсказал Дима.

- Бог с ним, недостойным, - вступил в разговор Владимир. – Как угощение продолжалось?

- В мирной беседе. То да се. В основном, мужики отвечали на разные вопросы Ефима Шаевича. Вот и спрашивает старичок Бориса:

- Говорят, Ельцин книгу написал. Много умных мыслей в ней изложил. Это правда?

- Как же! – возмутился Борис, подняв руки к небу. – Он в жизни в руках ни газету, ни книжку не держал. Да его словарный запас составляет не более сорока слов, а ты говоришь, что книгу написал. Зятек соорудил книжонку быстренько, потом показал тестю, где автограф поставить. «Писатель». Да он не знает, что в слове «понимашь» после буквы «а» буква «е» должна быть. «Писатель», ядрена корень. Налей лучше стопочку, Ефим Шаевич.

Старичок наполнил стопки. Мужики выпили, стали закусывать.

- Сын говорил, что он гонорар за книгу большой получил, - взялся за свое Ефим Шаевич. – Али не так?

- Ха, гонорар! – спичкой снова вспыхнул Борис. – Это Ромка Абрамович ему пачки баксов регулярно приносил. К себе, к своему запаху царька приучал. А ты говоришь, «гонорар!» Как бы не так.

- Зачем приручал его Ромка? С какой целью, Боря?

- Отстал ты, Ефим Шаевич, умственно от нашего времени. О каком периоде страны мы речь ведем?

- О становлении либерализма и демократии, - неуверенно промямлил старик. – Или не так?

- Во, понимать начинаешь. В период беззакония. Когда страной царь управлял указиками личными, понимаешь? А Ромочка приручил батюшку, чтобы потом несколько фетвов у него подписать. В части передачи народного достояния в собственность Ромки. Хорошая сделка: немного бабла батюшке – а взамен –

природные богатства страны. Стоит овчинка выделки. Понимаешь, Ефим Шаевич?

- Неужели он взятки брал? – ужаснулся старичок. – Не верю!

- Он брал бабло только в качестве гонорара за свою книгу, - ответил Женька. – А потом привык к зеленым. Возьмет пачку – да и шасть ее в сейф личный. На черный день. Во время приватизации ...

- Взятки брал только человек с пятном. Горби. У южнокорейского коллеги, - вступил в разговор Женька. – А второй ...

- Подожди, подожди, ничего не понимаю, - взмолился Ефим Шаевич. – Боря, налей нам, иначе, на трезвую голову, ничего не понимаю.

Борис наполнил стопки. Они выпили, закусили.

- Так о чем ты, Борис, хотел сказать? – спросил старик.

- О начале разворывания народного богатства. Природных ресурсов, прежде всего.

- А разве были какие-либо нарушения? – усомнился старик.

- Ну ты даешь, Ефим Шаевич! Как будто первый год на земле живешь. Чтобы в России – да по – честному? Только воровски, только по царскому благу, - зло ответил Борис. – Маленькая кучка практически все разворвала. На круг – человек тысяча. Или себе природные богатства присвоила, если тебе так больше нравится. Нефть поделили, к примеру, на восьмерых.

- Ведь как разворывание страны проводилось? – робко вступил в разговор Женька, незаметно подмигнув Борису. – Наши люди привыкли верить печатному слову, а тут объявили, что при капитализме жить лучше. Все мысленно и рванули в него. Правда, народ к этому слегка подготовили.

- Это как же, каким образом? – поинтересовался Ефим Шаевич.

- По полной программе. Сначала, во время правления человека с пятном, искусственно создали повсеместный дефицит в товарах и продуктах питания, потом организовали в печати критические статьи, в которых советский строй назывался анахронизмом. Планово, регулярно на советский строй клеветали. Меж строк про прекрасную капиталистическую жизнь намекали. А вдобавок по телеку после ежедневных пустопорожних речей Горби сразу живьем стали пускать Кашпировского. Вся страна в приступе идиотизма вечерами включала ящики, предварительно сделав многолитровые запасы кипяченой воды.

- Зачем? – упавшим голосом спросил Ефим Шаевич.

- Энергией заряжаться. И чтобы от всех болезней избавиться и многомиллионный капитал где-то на халяву приобрести.

- Не может быть! Полстраны людей с высшим образованием и такой критинизм...

- Потом и второй прохвост появился. Забыл его фамилию. Да, Чумак, вроде. Но страну прохиндеи держали в узде. Это точно, - заверил Женька.

- Налей, Боренька, нам по стопочке. Иначе я крышей съеду, - попросил старик.

Они выпили.

- Когда дошел до кондиции народ, тут ему в зубы ваучером. Голодному мужику непонятным словом да по мордасам. Огненный сказал, что на эту бумажку многое кое-чего старик и старушка купить могут. Народ vareжку открыл – тут его и облапошили. Причем сделали это грамотно и со вкусом, - продолжил разговор Борис.

- Девяносто девять с половиной процентов народа не понимало, что стоит за ваучером, - уточнил Женька. – А умные людишки, которых потом станут называть нуворишами, за стакан водки скупил эти бумажонки да грузовиками и свезли в нужное место. Вот и оказалось, что какому - нибудь Нахападзе и принадлежит крупенький комбинат металлургический или химический.

- Что, так умен Огненный? – с интересом спросил старик.

- Он наглый. Ему все Божья роса, - зло ответил Женька. – Мать родную продаст за понюшку табака. Ведь как дело было? Привезли из Штатов десятка три америкашек, расселили их в шикарном отеле, где и стали они жить, из номеров не выходя.

- Зачем это сделали? – снова спросил старик.

- Какой ты, Ефим Шаевич, любознательный, - засмеялся Борис. – Так ведь они готовили ему предложения и бумаги по приватизации народного добра.

- Чтобы готовить предложения, надо многое знать о народных предприятиях, - возразил старик. – Их местонахождение, профильность, важность выпускаемой продукции. А такие данные кто ж им даст?

- Все данные о заводах и фабриках, включая секретные, Огненный предоставил, - ответил Женька. – В полном объеме. А америкашки, среди которых были и шпионы, и определяли, что приватизировать в первую очередь. За копейки. Нужными людьми.

- А кто это Огненный? – перебил Дима.

- Толик Чубайс, - машинально ответил Владимир. – Извини, Валера. Продолжай.

- Да, так вот, твоих земляков, Ефим Шаевич, хотят в Штатах к суду привлечь, - продолжил Борис.

- За что? – поднял брови старик.

- За сокрытие многомиллионных доходов. От казны Штатов.

- Но они же, как я понимаю, воровали в России? При чем тут Штаты?

- Тебе, Ефим Шаевич, лучше знать: ты тут живешь, а мы здесь просто туристы, - ответил Женька. – Так что твой вопрос не по адресу.

- Но много воровалось и по указикам батюшки, - сказал Борис. – Скажем, Береза сквозь щель дверную в царскую палату проникнет, доберется к уху вельможному да и начнет мудреность вящую ему нашептываться. А батюшка, знаниями и понятиями не обремененный, этого не любил. Не любил царь расейский, когда ему непонятные словечки говорят. И вот чтобы от незваного гостя избавиться, берет батюшка ручку да и подмахнет один – два указика, подготовленных Березой. Чтобы быстрее Березовский свалил из хаты. До следующего прихода.

- А трудно ли было попасть в полаты царские? – с интересом спросил Ефим Шаевич. – По записи или с утра надо было очередь занимать?

- Если с Танечкой договоришься, то запросто, - ответил Женька.

- Это еще кто такая? – удивился старик.

- Дочь царская. Если сделаешь ей достойный презент, то можешь хоть ночевать в светлых хоромашках, - заверил Борис. - И царскими указиками по велению его дочери назначать нужных тебе министров.

- А как много надо было ей презентовать? – живо спросил старик.

- Да по – разному. Иногда можно было обойтись и каким – либо лимузином, - пояснил Борис. – Раз на раз не приходилось.

- Очень любил над батюшкой потешаться Генка, - перебил Женька. – Напечатает указик – да к батюшке в приемную. На ушко мудреные слова гутарить начинает. О высшей материи и философии, от которых у хозяина кабинета голова пойдет кругом. Что оставалось царю? Конечно, подмахнуть госбумагу или две. Чтобы избавиться от Генки, секретаря расейского. Генка возьмет бумагу – и шасть из кабинета. А батюшка понять не может – о чем шла речь, какую бумагу он подмахнул? Что он повелел той бумагой? Вот и вызывает в свои покои свое доверенное лицо, охранника главного. Типа того, что, мол, Шурик, разберись, что я там повелел тем указиком? А что повелел вторым указом? Заодно и мне потом доходчиво расскажешь. В двух – трех словах. Не более, потому как человек я занятой. А сроку тебе даю на выполнение этого поручения – час. С двумя бутылочками зайдешь, понял?

- Генка – это Распутин? – неуверенно спросил Дима. - Или кто?
- Да, Распутин конца двадцатого века, - засмеялся Владимир. – Это Бурбулис. Извини, Валера.
- Говорят, батюшка больно учен, - снова спросил Ефим Шаевич. – Сын об этом говорил.
- Кто учен? – передернулся лицом Борис. – Батюшка? Как он может быть учен, если, как бы это сказать ...
- Мне сын говорил, что он закончил строительный институт, - перебил Ефим Шаевич. – Или не так?
- Конечно, так, - согласился Борис. – В те времена как было? Каждый институт мечтал о спортивной славе. Было дело?
- Я сам защищал спортивную славу института имени Плеханова, - ответил старик. – Но и про учебу не забывал.
- Ты не все меряй по себе. Тут другой случай. Зачислили его в институт, вручили студенческий билет да и поручили защищать спортивную славу родного института. Вот он и стал мячишко через сетку перебрасывать. Говорят, весьма успешно. Так и действовали параллельно: альма - мамка зачеты ему ставила, а он спортивные призы ей завоевывал.
- Да, так бывало. Мой друг, футболист, лет пятнадцать учился в одном институте, - мягко произнес старик. – Правда, потом все же тренером стал.
- А этот после получения диплома пошел изучать специальность, точнее, профессиональные термины. На стройку, - продолжил Борис.
- Мастером? – спросил старик.
- Каким мастером? – удивился Борис. – Кто ему доверит должность мастера? Разнорабочим, подсобным рабочим, каменщиком, маляром, штукатуром ...
- Почему? – удивился старик.
- Чтобы термины строительные изучить. Ведь он во время игр спортивных чем занимался?
- А я почем знаю? – зло переспросил Ефим Шаевич.
- Изучением комбинаций, как удобнее мячик через сетку перебросить. После игр – выпивон крепкий.
- У спортсменов это обычное явление, - опустил глаза старик. – Многие пили.
- Во, правильно соображаешь, Ефим Шаевич. – А строительная индустрия – это совсем другой коленкор. Там и слова другие, термины необычные. Вот и пришлось ему в течение года их назубок зубрить.
- Почему в течение года? – спросил старик.
- Да по двум причинам. Во-первых, за год он вызубрил слова новые, а, во-вторых, за выпивон в рабочее время могли и с работы выгнать. По статье. За алкоголизм. Как рабочего. Вот и пошел в руководители. Пьющего руководителя сложнее выгнать за пьянку с работы, чем разнорабочего. Понятно? А потом обком назначили возглавить. Ему из Кремля еще не успеют директиву спустить, как он рапортует - все, мол, сделано досрочно. До основания земли раскурочил Ипатьевский дом, где в свое время последнего настоящего царя русского и его семью безвинно замучили. Конечно, произвел на начальство впечатление. Потому и вызвали его в Кремль. Помогать руководить страной.
- Говорят, он на пленуме горкома партии толковую речь толкнул, - растерянно сказал Ефим Шаевич. – Или опять неправда?
- Не было никакой речуги, - вошел в раж Борис. – Текст сочинил Мишатка Полторанин. Выжрал ночью пузырек да и отстукал одним пальчиком на машинке.

Ксиву на ксероксе размножил и в толпу ее бросил. Большим тиражом. Много своих денег в это мероприятие вложил.

- За что потом получил пост министра и многократно компенсировал расходы, - уточнил Женька.

- Не может быть! – запротестовал старик. – А народ-то что, он как среагировал на его фальшивку?

- Да зачитывался теми тезисами. Уж больно толково Минька все сочинил. Только вот, прохиндей, зачем-то Раису Максимовну сильно обидел.

- Только не говорите, что он в поликлинику не ходил, - стал настаивать старик. – Ходил или не ходил?

- Метров за двадцать до нее он вышел из черной машины и пешочком прошелся. Было такое дело, - подтвердил Борис. – Даже в здание зашел. Просунул голову в окошко регистратуры и что-то произнес. Потому как на большее не было времени. Злые языки говорили, что он хотел спросить, как из поликлиники выйти. Заблудился, судя по всему. Да и крепко спешил он.

- Куда? – спросил Ефим Шаевич.

- Да спонтанно сотни три корреспондентов понабежало, - ответил Борис. – С кинокамерами, блокнотами. Пытались умные слова батюшки записать, чтобы доходчивее их народу донести. Как и в другом разе.

- Это в каком же другом разе? – опешил старик.

- Какой ты любознательный, - рассмеялся Женька. – В другом разе - при посещении магазинчика. Ближайшая челядь незаметно ему в карман гроши опустила, чтобы он леденец мог там себе купить. В пустом магазине.

- Ерунда какая-то, - обиделся старик. – Или вы, мальчики, разыгрываете старого еврея? Скажите честно, прощу вас.

- Мы чисты перед тобой, - уверовал его Борис. – Ни слова выдумки.

- Мне сын говорил, что он с моста падал. Или неправда? – после паузы спросил Ефим Шаевич.

- Да немножко падал. Один раз. Правда, головой вниз. Хоть и воды в той речке – по колено воробью. С кем по - пьянке не бывает? Пережрал малость, вот и упал. Вытащили его на берег, водочкой снаружи протерли, вовнутрь кило залили, переодели в сухое белье да и отвезли в апартаменты. Чтобы дальше народу честно служил. Вот и вся та история, - со вздохом ответил Женька.

- Мне сосед по даче рассказывал, что во времена его царствования одна его вельможа пузырьки ему разбавляла, - медленно сказал Борис.

- Зачем? – удивился Ефим Шаевич.

- Чтобы не так быстро царь – батюшка с рельс сходил. Сосед говорил, что приближенная к телу вельможа откупорит стандартную бутылочку, половину содержимого выльет в канализацию, а в пузырек дополнит воды из-под крана. Снова закрутит пробку – вот и готова радость. Выжрет батюшка банку – другую, а эффекту ноль. В чем дело? – поднимет царь брови. А ему в ответ, что, мол, «мягкая водочка, ваше преосвященство».

- И долго так крутили ему голову? – спросил старик.

- До тех пор, пора не было вызвано к батюшке на совещание второе лицо в государстве, знающее толк в газовом деле и спиртных напитках, - продолжил Борис. - Ранним утром. Дернули они на пару по стакану перед принятием важного государственного решения, а второе гослицо кисло сморщилось да и говорит: «Дурят тебя, батюшка. Истинный крест, дурят. Не водка это». Для пущей убедительности стал креститься да лбом об стол биться. Но не поверил батюшка второму лицу, хоть и

государственному - ведь он давно такую водочку исправно испивает. Ежедневно. Все вроде бы нормально. «Мягкая водочка, Степаныч», - говорит батюшка гослицу второму. Вдарили по второму стакану. Более кислую рожу скорчило второе лицо государственное. Опять не верит батюшка лицу второму.

- Подать ложки! – велит батюшка грозно, привстав с трона.

Подали ему деревянные ложки.

Вскочил батюшка с трона и давай этими ложками бить по разным местам своего тела разным, припевая:

Калинка, калинка, калинка моя,
Выгоняла я корову на росу,
Повстречался мне медведь во лесу ...

Других слов этой песни он не знал, поэтому эти три строчки гонял непрерывно, больно ударяя себя по лбу ложками в такт. В течение часа. Или немного больше.

- Ну и что в этом плохого? - спросил старик. - Гуляет батюшка. Первый раз, что ли?

- Плохого в этом нет ничего, - согласился Женька, переглянувшись с Борисом. - Только ведь второе лицо, в оренбургском пуховом платке, немного вспотело. Да и было вызвано оно для чего пред светлые очи?

- А я откуда знаю? - заерзал на стуле старик. – Я по утрам водку не пью. Наверное, на совещание пригласили.

- Черномырдина пригласили для выработки судьбоносного решения на государственном уровне! - медленно сказал Борис. - А его, второе гослицо, заставляют паленую водку пить и бесплатный цирк смотреть. Тем более, что еще час волка не пробил. А второе гослицо совсем мало привыкло пить крепкую с утра. Точнее, до обеда.

Помутился взор у второго лица, ошалел он не на шутку, про себя решая – или ему в пляс идти или на месте оставаться? Тут нельзя допустить роковой ошибки, чтобы не оскормить первое гослицо. Как наглядно продемонстрировать глубочайшую лояльность царю - батюшке и не потерять хлебный пост премьерера?

Схватил он бутылку водки да давай ее разливать по стаканам. Немного налил на скатерть красную, пришлось хлебушком исправлять допущенную ошибку.

Перестал песню петь батюшка, бросил ложки в сторону, взял граненый стакан в руки.

Приняли по третьему стакану. «Не вели, государь милостивейший, казнить, а вели миловать. Прикажи, батюшка, замеры крепости водки сделать», - просит слезно второе гослицо. И под пуховым платком царя – батюшку крестом Божьим осенить пытается.

Дал царскую команду батюшка. Замерили градус водочки. Так и есть – паленая, не более двадцати градусов крепости. Закипел хозяин полатей чайником, с трона привстал да и давай руками воздух сминать. «Уволить, всю обслугу уволить! Срочно! По указу царскому! Понимашь! Срочно царский указ мне на подпись»!

- Откуда знаешь? – спросил старик. – Или выдумываешь?

- Нет, не выдумываю, Ефим Шаевич, - ответил Борис. – Если мне не веришь, то могу сказать тебе авторитетно. Твой сын в Москве часто бывает?

- Не так часто, чтобы уж. Но бывает. А что?

- Пусть зайдет в Москве на Тишинский рынок. Там кафе поблизости. Пусть в этом кафе спросит дядьку Мирона – усатого мужика. Он твоего сына лично и познакомит с тем хлопцем, кто водочку разбавленную царю подавал. По команде одного вельможи. Главного охранника тела. А теперь тот паренек в том кафе работает. При рынке. По крайней мере, еще работал месяц назад. Сам у него отведывал вторые блюда. Хорошо готовит, хоть и дорогое это удовольствие.

- Ладно, поручу сыну найти того Мирона, - согласился Ефим Шаевич. – А он что же,

батюшка, только при троне чрезмерно водочкой злоупотреблять стал?

- Нет, в столицу приехал, как бы доходчивее выразиться ... - попытался ответить Женька.

- В столицу он приехал законченным алкашом. Так и было его супружнице заявлено одним приближенным к царской особе. Когда она прислугу в спаивании батюшки стала обвинять, - перебил Борис. – Кстати, слышал, что ему операцию на сердце делали?

- Шунтирование, - уточнил Ефим Шаевич.

- На следующее утро после операции, в момент открытия палаты, под халатиком царская женушка принесла батюшке бутылочку водки.

- Не может быть! – ужаснулся старик. – После такой операции...

- Можно, если трубы горят, - заверил его Борис. – Хорошая жена знает, что любимому мужу требуется. Принял свою норму батюшка – и сразу потянулся к ядерному чемоданчику.

- Налей, Боренька, нам по полной, - попросил Ефим Шаевич. – Что помутнело у меня в голове от сказаний ваших. Где правда, где наговор – не пойму.

Борис наполнил стопки.

- Мне очень понравился один прямой репортаж с совещания, которое проводил батюшка, - интригуяще сказал Женька. - Дюже интересное.

- Поведай, Женя, поведай, - мягко попросил Ефим Шаевич. – Только не приукрашивай.

- На совещание были вызваны самые лучшие умы страны. Умов сто или малость более. Для подготовки царю - батюшке глобальных предложений и умных идей на ближайшие лет пятьдесят. Сидят они в хоромах за круглым столом, ждут батюшку. Вспотели малость, не без этого. В самом деле, а ежели батюшка спросит что-либо? Или в твою сторону посмотрит? Совещание важное, государственное, других у батюшки не бывает, понимать надо. Потому и надо ему советовать судьбоносные мысли первой свежести. А как иначе?

Открылась дверь царская – и вот он, батюшка, собственной персоной!

Сурово так смотрит по сторонам, вроде бы чего ищет.

Повскакивали с мест подчиненные, замерли в испуге.

Не стал батюшка принимать великие государственные решения, а посему прямо так и заявил: «Не так сели!»

- Ну и что? – повел плечом старик. – Что в этом такого?

- Да ничего, - ответил Борис. – Ведь как было дело? Батюшка день не пил, к совещанию готовился. А когда в залу заявился, то он вправе был надеяться, что уж пара пузырьков подле него стоять будет. Чтобы махнуть перед принятием госрешения. А тут тебе предлагают на трезвую голову думать. Как так можно? Непривычно. Да, не людски все сделали. Вот он и хотел челяди помочь, сказав, что не так они сели. Так сказать, хотел намекнуть, чтобы пузырек поставили подле него.

Но они не поняли его царской подказки.

Потому и не было принято никакого решения – ни плохого, ни второго такого же.

Повернулся батюшка спиной к залу, сплюнул через левое плечо да и почесал из залы. Потому как в предбаннике все, как в Греции, было. Потому и интереснее в прихожей батюшке было, чем в полатах, не говоря о свежем воздухе.

- И не было принято никаких решений? – спросил Ефим Шаевич.

- Какие могут быть решения на трезвую голову, - пожал плечами Женька. – Так, загогулина одна.

- А это что такое? – удивленно спросил старик. – Что это означает?

- Это слово включает в себя философские и инженерные познания батюшки. В

одном слове весь сгусток человеческих познаний. Загогулина, одним словом. И ничего не поделаешь.

- Ничего не понял, - хозяин кафе сплюнул в сторону.

Наступила тишина.

Борис закурил, искоса поглядывая на старика. «Будет добавка или нет?» - размышлял он.

Ефим Шаевич взял стопку в руки и продолжил:

- Моя мама рассказывала, что в нашем колхозе дело было как? Кто без образования – тот в поле работает, или на ферме. Или на других самых низших должностях. А если уж человек к трем прибавить мог два – звеньевым. Ну а если уж три на четыре умножить мог – то бригадиром. А если человек и умножать, и делить умеет – то выбирали его председателем. Ну а если алкаш конченный – то пастухом его назначали. Привяжут веревкой за коровий хвост ...

- Зачем? – спросил Борис.

- Чтобы с моста не упал, - засмеялся Женька.

- И чтобы от стада не отбил, - старик сурово посмотрел на Женьку. - А вы, ребята, чего сделали?

- Оно ведь как было дело, - якобы стал оправдываться Борис. – В девяносто втором, в первые его выборы, против него никто не выступал – всем хотелось чего-то нового. Да и человек с пятном всем до чертиков надоел.

- Первые выборы он выиграл с огромным преимуществом, - поддержал товарища Женька.

- Другое дело было на вторых выборах, - задумчиво сказал Борис. – Ни пером нарисовать, ни песней поведать.

- Что так? – встrepенулcя Ефим Шаевич. – Говори попонятливее.

- Перед вторыми выборами его авторитет – ниже ватерлинии. Что делать? Стали в Кремле репу чесать да планы хитрые строить. А если хитрость и обман – то куда ж без Огненного? Поручили ему возглавить штаб предвыборный царский, - Женька закрыл глаза и замолчал.

- И началось самое интересное, - продолжил его Борис. – Батюшку в экран телека ежедневно мордой тыкать стали, его мысли о народе печатать стали. Грустит, мол, батюшка, о народе. Выпускать его из Кремля изредка стали. В народ. Говорить он изредка стал, «понимашь».

- И стадами полетели во все концы страны груженные авиалайнеры, - продолжил Женька. – Выпивоном, снeдью заморской. Журавлиными клиньями. Во все концы страны. А в самолетах рядом с водочкой, коньяком и жратвой – те, кто на сцене петь и плясать может. Народные. Для поддержки штанов батюшки. И своих портков тоже – ведь много ж за участие отстегивали! Одна - две поездки – и бабла море – можешь остров покупать. Платили наличными, не пересчитывая. Говорят, ксероксными коробками. А некоторым, самым достойным, дополнительно дарили телеканалы. К примеру, Березовского, подданного страны Израиль, упростили занять пост заместителя секретаря Совбеза и великодушно принять первый канал телевидения в свою собственность, а Гусинского – четвертый канал. Они благодарно их приняли, потому как являлись знатными проходимцами и много полезного для батюшки свершили. Да чего там, по зову сердца перед выборами все достойнейшие и умнейшие люди работали сутками на благо батюшки, ибо дядюшка Зю не мог себе позволить такой благодарности – гол как сокол, паршивец, был в момент выборов. Потому и не был окружен такими гениями мысли.

- А это кто такой, что за китаец? – удивился старик.

- Оппозиционер главный, - пояснил Борис. – Фактически он выиграл вторые выборы.
- А почему тогда он не у власти? – еще более удивился Ефим Шаевич.
- Намекнули братки мило дядюшке Зю, что ему лучше поживать в санатории близ города Снегири, чем вступать в судебные тяжбы. Ибо танком помять лицо малость могут. Как три года назад некоторым, - вздохнул Борис.
- Это когда парламент из танков расстреливали? – спросил Ефим Шаевич. – А зачем это сбыло сделано?
- Да турки всему виной, - пояснил Женька. – К этому периоду они в России все построили, точнее, закончились у них заказы на строительство. Вот и стали они думать – что еще можно в России построить? Что можно еще подремонтировать? Говорят, дали взятку крупную, чтобы малость испоганили Белый дом и им поручили его восстановить. Азиаты, одним словом. Хитрющие.
- Какой Белый дом? – спросил старик.
- Да возле зоопарка. Через дорогу, - ответил Женька. – Вот и пришлось пару десятков залпов из танков по строению сделать, чтобы предоставить азиатам фронт работ. А как же иначе – веди у них семьи, детишки. Кормить – то их надо. Надо или нет? Во, то-то и оно, что надо. Вот и пришлось предоставить им фронт работ.
- Заодно и на весь мир продемонстрировать наше понимание житейских забот ближних соседей, - уточнил Борис. – Все-таки, как ни говори, очень широкая русская натура.
- Ефим Шаевич сидел, низко склонив голову. Потом спросил:
- Мне сын говорил, что во время выборов кого – то арестовали. Якобы задержали какого – то вора с долларами в коробке.
- Да было дело, - вяло подтвердил Борис. – Да в той коробке и было – то всего пятьсот тысяч баксов. А разговору завели на весь мир.
- Таких коробок в то время летало много, - успокоил старика Женька. – Все силы были брошены на то, что батюшку во второй раз на трон посадить. А что касается конкретно этой коробки, то во всем виновата его ближайшая челядь.
- Почему? – спросил старик.
- Да развернулась пышная борьба между чижиками, кто более достоин быть ближе к телу батюшки, - пояснил Борис. – Так сказать, борьба за сферу влияния. Вот и подставил один чижик друг ого.
- И что, судили вора, который деньги своровал? – спросил старик.
- А никакого суда не было, - ответил Женька. – Раз нет заявления от потерпевшего, раз нет хозяина финансовых средств, значит, и суда нет. Чего разбирать, какие судебные решения выносить, если ничего не было?
- А доллары отдали в детский дом или куда – то еще направили? – спросил Ефим Шаевич.
- Все заботы о коробке с баксами взял на себя Огненный, - ответил Борис. – Попросил прислугу отнести коробку к своей машине. А уж потом ему самому пришлось позаботиться о коробке.
- Наступила долгая тишина.
- Ефим Шаевич сидел, низко опустив голову.
- Потом резко сказал:
- У нас тут, в народе, сказывали, что Россия едва не начала химическую войну. Это правда?
- Брехня, - успокоил его Женька. Потом вовремя вспомнил жесткие наставления Бориса, одумался. Спросил:
- В каком году, говоришь, угрожала химической атакой?

- Дайте подумать, - смутился старик. – Моему внуку тридцатилетие справляли в каком году, когда Софа это говорила? Да, точно, осень девяносто третьего года. А что?

- Ведь как было дело, - Борис твердо помнил наставления Витьки. – Наш батюшка был в Штатах. Все это время с пяти утра принимал на грудь ежедневно. До поздней ночи. Потом, как положено, вдарил перед отъездом, потом вмазал на посошок, потом перед посадкой в самолет махнул, потом выпил в салоне лайнера неоднократно.

- Короче, нажрался старче наш до чертиков, - перебил Женька. – Никакого лыка не вяжет. А самолет – через океан, в Европу.

- Где была намечена встреча батюшки с премьер-министром Рейнгольдсом. В Рейкьявике, - зачем - то стал уточнять Борис. – Приземлился самолет, челядь глядь в окно – а там сам премьер-министр прогуливается в таком щеголеватом пиджаке, свита нервно вокруг дышит, музыканты вверх руки подняли – ибо ждут команды - когда ударить в бубен, если наш батюшка из самолета выйдет.

- Долго ждали, прямо надо сказать, - уточнил Женька. – Малость замерзли.

- А он чего не выходил? – спросил Ефим Шаевич.

- Я ж и говорю, что он лыка не вяжет, - ответил Борис. - Валяется в салоне в обоссанных подштанниках. Спертый воздух – дышать нечем. Челядь сознание терять стала. А что делать? Нет под рукой противогазов фильтрующих, кто ж знал, что такая дислокация получится?

- Не погиб ли кто, не задохнулся? – участливо спросил старик.

- Бог миловал, - успокоил его Женька. – Потому как дверцу самолетную пришлось открыть.

- С этого все и началось, - медленно произнес Борис. – С калиточки.

- Ничего не понял, говори яснее! – стал требовать Ефим Шаевич. – При чем тут калиточка?

- Да потянул ветерок аммиачные тучи через калиточку в сторону Бенилюкса, - пояснил Женька. – С непривычки стал народец в этих странах кашлять и чихать. От аммиака. Для них – то такие выходки в диковинку. Вот и поднялась людская паника.

- Да и военные химики НАТО оказались не на высоте, - сказал Борис. – Не смогли отличить одну дурь от другой. Аммиак от зарина. Потому и пошли такие международные обмены шифрованных телеграмм. Но самолеты в воздух не поднимали.

- Вот и вся эта история, - успокоил Ефима Шаевича Женька.

Старик сидел с грустным видом.

Борис и Женька, довольные, украдкой выпили по стопочке, запили соком.

Старик, судя по всему, пришел в себя и спросил:

- У меня в России на сберкнижке деньги остались. Забыл, по старости, снять. Что делать, как поступить? Наверное, много за это время набежало.

- А сколько у тебя на книжке было? – спросил Борис.

- На машину отечественную, - ответил Ефим Шаевич. - Седьмой модели.

- Примерно, тысяч шесть, - уточнил Женька. – Забудь о них.

- Почему? – удивился старик.

- Да потому, что во времена становления демократии и либерализма ценовой индекс составил огромную цифру, - рассмеялся Борис. – И тебя обули!

- Как обули, кто? – распрявился Ефим Шаевич. – Лишать меня частной собственности никто не имеет права.

- Ты не ершись, Ефим Шаевич, - жестко произнес Борис. - Всю страну ограбили. На какую сумму? Да на три с половиной годовых бюджета страны. Вот ты говоришь, что было у тебя на книжке шесть тысяч рублей, - Борис поднял палец вверх. – А теперь денег стало так много, что спичечных коробок пять или шесть можешь на свои

сбережения купить. Если позволят снять вклад.

- Что значит «позволят снять вклад?» Я сам решу, снять мне вклад или подождать!

- Чудной ты, Ефим Шаевич, - удивился Борис. – Совсем ошалел от дурной жизни в Штатах.

- Да кто ж тебе позволит снять твой вклад, кто позволит снять твои накопления стоимостью в шесть спичечных коробков? Прости, Ефим Шаевич, но ты хуже младого ребенка, - рассмеялся Женька. – Такому молодому – и выдать твои накопления! Чудеса в решете да и только.

- Что значит «такому молодому?» Мне скоро стукнет восемьдесят годков!

- А по нашим, расейским, законам крохи от бывших вкладов может получить только тот человек, кто принесет справку. С печатью, - заинтриговал старика Борис.

- Какую справку? – подался телом вперед старик.

- Что принимал активное участие в Куликовской битве, - по слогам ответил Женька. – На стороне русских воинов. Вот тогда без очереди получишь свои копейки.

- Я участник Второй мировой войны! Я Будапешт, Вену освобождал!

- Значит, ты задержался на этом свете. О таких, как ты, у нас раз в год вспоминают, - ответил Борис. – Но на нарушения федерального закона...

- В части выдачи вкладов без предъявления справки об участии в Куликовской битве на стороне русских – никогда не идут! Никогда, если нет справки, – четко подтвердил Женька.

- Значит, и меня грабанули? – упавшим голосом спросил старик.

- Да не переживай ты, Ефим Шаевич, - попытался успокоить его Борис. – Тех, кто остался в России, в смутные время по несколько раз грабанули. И государство, как с твоим вкладом в государственном банке, так и проходимцы – азартники ушлые. Многократно.

- Как это? – поднял брови старик. – В азартные игры я никогда не играл.

- А ежели тебе предлагают купить бумажку, которую ты сможешь через месяц вернуть, но в три раза дороже? – ехидно спросил его Женька. – Триста процентов годовых!

- Таких процентов не бывает. Не дурите мне голову, - жестко сказал Ефим Шаевич.

- Да в России значительно меньше рек и холмов, чем было контор, принимавших трудовые рубли в обмен на кусок газетной бумажки, - стал горячиться Женька.

- И что, много было таких, кто сам нес деньги? – прищурил левый глаз старик.

- Да практически все население, - успокоил его Борис. – Многие бросили работу, чтобы сутками стоять в очередях – тут надо купить билет, тут другой продать. По восемнадцать часов в сутки в очередях стояли. С ночными горшками в руках, чтобы не отвлекаться от главных дел.

- А в результате что? – тихо спросил Ефим Шаевич.

- Как что? – вопросом на вопрос ответил Борис. – Владельцы контор перевернули рубли в баксы. Железнодорожный эшелон с рублями – на вагон баксов. Да и самолетами в теплые страны улетели. На постоянное проживание.

- Некоторые в России остались, - уточнил Женька.

- А что с ними, кто не уехал? – спросил старик.

- А чего им? – удивился Женька.

- Как государство на эти махинации смотрит? – жестко произнес старик. – Ведь это мошенничество в особо крупных размерах, по крайней мере. Уголовное дело.

- Ну зачем же так грубо? – не согласился Борис. – Конечно, некоторых их них поругали, даже на вид некоторым поставили, что они не совсем хорошо поступили.

- И не судили? – повысил голос старик.

- Да так, некоторых судили. Самых неказистых. Остальных – нет, не судили, - ответил Борис. – Да и потом, они государственным мужам путь к снятию у народа денег прокладывали. А за это нельзя судить. Если рассуждать по твоей логике, то и государство надо судить. Которое из всех сил строит либерально - демократическое общество.

- Тут нельзя подходить ко всему однозначно, тут плюраизма широкая требуется, - авторитетно произнес Женька. – Если хапнул у народа свыше ста мульонов баксов или фунтов – то благодарность, если своровал чуток, пару гвоздей или сковородку у соседа – то под суд прохвоста!

- Это Женька горячится, - успокоил старика Борис. – Хотя, в принципе он прав. Судят только того, кто мало своровал. Но срок дают приличный.

- А если много своровал? – спросил старик.

- Тогда это называется приватизация, за это не судят, - успокоил его Женька. – Сразу переводят в разряд Божьих наместников на земле. Им – почет и уважение.

Наступила долгая тишина.

- Расскажите, как прошла у вас приватизация, - тихо спросил Ефим Шаевич. – Сын говорил, что с нарушениями.

- Да с маленькими, - со вздохом ответил Борис. – Проходимцы грамотно присвоили народное достояние. В основном, в три этапа.

- Поясни, Боренька.

- Ну что ж, если так просишь. Только давайте по стопочке выпьем, - попросил Борис.

Старик разлил водку. Они выпили.

- Этап первый, ваучерный. По методе Огненного. Когда выдали народу ваучеры, то не объяснили ему, что с ними делать. Некоторые стали из них самокрутки делать. А кто потолковее, кто знал, что к чему, тот за бесценок их скупал. Потом обменял их на заводы.

- А второй этап? – живо спросил старик.

- Залоговый. Дюже интересный.

- Это почему же? – спросил старик.

- Да потому, что много умнее был осуществлен, - продолжил Борис. - Теми, кто не успел хапнуть народного достояния через царские указы или по первому этапу воровства, но кто на фарцовке успел немножко заработать. Или на грабеже. Образовали они доверительные банки. С нулевым капиталом. Пойдет транш из Америки – а куда баксы переводить, через какие конторы зелень в рубли конвертировать? Конечно же, через доверительные банки. А тут и выборы царя батюшки подоспели – много средств надо! На разные акции, чтобы нужного человека на трон посадить. А где деньги правительству брать? – Борис закрыл глаза и замолчал. – Конечно, в доверительных банках. Бьет челом правитель пред ними – дайте, братки, деньжат, ибо дохнет государство из-за отсутствия средств. Зарплату врачам, учителям платить нечем. А братки, хозяева доверительных банков, им свысока: «Да берите, сколько хотите. Из пришедших траншей. А когда с процентами вернете?» - «Через месяц вернем с процентами», - стали горячиться госмужи. Прошел месяц – а денег как не было в казне, так и не предвидится. «Возвращайте взад деньги!» - требуют ростовщики. А как деньги вернешь, если их нет и не предвидится? Транш, который пошел, говорите? Так он потерялся бесследно. Миллиардов на пять или около этого. Где он осел, в чьих руках, чью мошонку греет? А хлопцы из доверительных банков угрожают: «Если деньги не вернете, то мы обидимся!»

Конечно, нельзя их обижать – уж милые ребята! Вот и приходилось указиком или десятком таких указиков царя - батюшки отдавать в частные руки природные ресурсы.

А все почему? Да потому, что поняли мальчишки из доверительных банков – самое прибыльное – это недра! Вот и получалось, что, не вложив ни копейки своих денег, хлопцы становились миллиардерами.

- Интересные мысли, весьма, - ожил Ефим Шаевич. – Получается, рано я уехал из России. А какой третий этап?

- Когда разворовали недра, разворовали наиболее прибыльное, дошли руки у мелких воришек и до менее стоящих объектов народного хозяйства. – Борис соком промочил горло и продолжил. – Посредством вынужденного банкротства. Вот, скажем, заводик и при нем тысяч сорок работников. Продукция – с руками рвут. И что, оставить без внимания? Не погреть руки? Как бы не так! В сговоре с нужными государственными конторами доводят его до банкротства – да с молотка его, с молотка! За копейки!

Правда, много на этом этапе людей полегло. В борьбе за золотые слитки, которые можно купить, если станешь хозяином приобретенного на аукционе завода. За копейки.

Проснется, скажем, новоявленный миллионер утром. Не вылезая из-под одеяла, раскинет пасьянс. Если выпал туз крестовый – то убьют его сегодня утром. В подъезде. Если туз пиковый – то по дороге на завод грохнут. А ежели туз бубновый – то вечером взорвут вместе с охранником. На кладбищах теперь соорудили целые аллеи героев. Из мрамора и гранита. Бандитам. Так и называются – «Аллеи героев». В кавычках.

- Да и народ в ту пору стал дерганым, пугливым, - уточнил Женька.

- Почему? – удивился старик.

- Да повсюду пули и осколки мин летали, - ответил Борис. – Ведь много было бандитских разборок.

- Все же очень хорошо, что я вовремя из России уехал, - ожил Ефим Шаевич, потирая руки. - И что, все значительное разворовали?

- В основном, все. Осталась разве что лишь мелочь, - успокоил его Борис. – Осталось леса таежные, озера и реки приватизировать. Больше ничейного не останется.

- Да и зачем государству оставлять чего-то, если, как говорит Огненный, оно не может им с толком распорядиться? – подтвердил Женька.

- Прихватить Байкал и Волгу много желающих выявилось, - с грустью произнес Борис. – В очередь записываются.

- А зачем они им? – удивился старик. – Для каких целей?

- А что б было! – засмеялся Борис. – Ни у кого в мире такого нет, а у Гриньки или какого-нибудь Петеньки Каина расейского Байкал или, скажем, Волга есть! Или три – четыре речушки. Чем не повод для вселенной гордости за свое имя?

- А много ли выгоды он от них получит? – спросил Ефим Шаевич.

- А Бог его знает, - пожал плечами Женька.

- А бедуинам если их продать? – предположил Борис. – Пресной воды у них мало, так что можно цену на них поднять высоко.

- Сейчас вырисовывается новый этап воровства, - вмешался в разговор Женька. – Передел собственности.

- Это как же? – удивился старик. – Поясни твою мысль.

- Да элементарно, - ответил Женька. – Скажем, остался ты без прихваченного. Как жить, на заработную плату? На гроши? Дудки тебе, Ефим Шаевич.

- Я не заставляю тебя жить на зарплату, - возразил старик. – Надо что-то умное придумать.

- А я о чем? – спросил Женька. – Требуется найти бандита. Или двух. Желательно, крутых.

- С бандитами связываться нельзя, - возразил старик. – Там мокрухой тянет.

- Вот тебе и на! - удивился Женька. – А о каком периоде мы доселе говорили? Ну так

вот, нашли двух бандитов. С длительными судимостями. На их фамилии сварганили неприятное Общество с ограниченной ответственностью. Да и зарегистрировали в налоговых органах эту банду под видом ООО. Полдела сделано. Точнее, главное. Потом за взятку выкупается реестр акционеров нужного тебе предприятия. Желательно, чтобы в центре города оно базировалось – потом дороже продать можно будет. Или высоколиквидное. Или под заказ – тогда тебе заказчики сами говорят, против какого предприятия ты сразишься. В этот реестр вносятся фамилии выбранных вами бандитов. Можно одного из них назначить генеральным директором. Реестр заверяется липовой печатью. А теперь можно и брать быка за рога.

- Какие рога? – не понял старик. – Говори яснее.

- Садись в импортную машину с кондиционером – и в Сасово, что возле Рязани.

- Зачем в Сасово? – упавшим голосом спросил старик.

- Там расценки значительно дешевле, чем в столице, - пояснил Женька. – Федеральный судья за пять минут рассмотрит ваше заявление и признает за вашим бандитом право генерального директора того предприятия. Хозяина, другими словами. После этого – кто куда – судья в Эмираты беззаботно отдыхать, благо баксы есть, а бандиты – за дело. Наймут частное охранное предприятие типа «Родон», малость заплатят милиционерам – и в субботу к концу рабочего дня штурмом возьмут то предприятие, пожилых охранников мордой в грязь положив.

Вот и стал полноправным хозяином того предприятия ваш бандит. Хотя, лучше это дело крутить самим, по нотариальной доверенности от того бандита. А теперь можешь или продавать это предприятие, или ...

- Подожди, - перебил Ефим Шаевич. – А как же законы о частной собственности?

- Правильно мыслишь, Ефим Шаевич, - похвалил Женька. – Поэтому платить всем надо – судье, милиционерам, работникам прокуратуры и прочим мздоимцам. Главное тут – не экономить.

- А что же гарант конституции? – промямлил старик. – Он же на страже закона ...

- Правильно, Ефим Шаевич, - похвалил Женька. – Пишут ему жалобы люди обездоленные, что, мол, бандиты отобрали предприятие, просят навести порядок...

- Ну? – спросил старик. – И что он делает?

- Стоит на страже порядка. Как и положено в любом правовом государстве. Так и пишет резолюцию – решить спор хозяйствующих субъектов через суд. А суд-то вами куплен на корню. И не только суд. А вся преступная вертикальная связка. Само собой, адвокатам платить надо. И много. А что делать? Так что выигрышное это дело – раздел собственности.

- А сколько надо иметь денег, чтобы затеять такое дело? – спросил Ефим Шаевич.

- Стартовый капиталец, конечно, нужен. Но можно и занять у бандитов, - пояснил Женька. – После окончания операции и рассчитаешься с долгами. Примерные расценки затрат могу завтра принести. Сколько судье, прокурору, «Омону» и прочие расходы.

- Если попросишь, Ефим Шаевич, списки наиболее крутых бандитов могу дать, - раздобыл Борис. – За отдельную плату. Слямзил в правоохранительных органах. По состоянию на первое число этого месяца.

- Я подумаю, - ответил старик. – А какова отдача в таких мероприятиях?

- Каждый вложенный миллион баксов приносит дохода не менее десяти миллионов. Если арифметически – то один к десяти. А то и более. Овчинка стоит выделки.

Ефим Шаевич налил себе апельсинового сока, выпил.

А Борис для себя точно решил, что оставшиеся пять дней, которые осталось провести в Нью-Йорке, он проведет за этим столиком. За дармовыми выпивкой и закусоном.

- Чтобы заниматься таким разбоем, нужно опыт и навыки иметь, - тихо проговорил Ефим Шаевич. – Как без опыта?

- А вот тут ты, старче, ошибаешься, - засмеялся Борис. – Чего – чего, а этому даже учиться не надо.

- Поясни свою мысль, Боря, - попросил старик. – Что ты имеешь в виду?

- Да у нас в России по всем программам телека с утра до вечера ликбез читают, как и в каком порядке эти дела проворачивать. Наглядно, на конкретных примерах. Учись – не хочу.

- Денек – другой посмотришь криминальные программы – и смело можешь открывать свое дело, - поддержал друга Женька. – Главное – решиться.

Старик понуро глядел в свою тарелку.

- Если договоримся с тобой, то можем дать телефоны, по которым ты за отдельную плату можешь узнать как самые прибыльные объекты, которые еще не захвачены братками, так и объекты, предлагаемые бандитами к продаже, - решил воодушевить старика Женька. – Если в долю возьмешь.

- И много надо заплатить, чтобы достать такие списки? - спросил старик.

- Относительно мало, - ответил Борис. – Даже не стоит обсуждать. Но с фотографиями и многими полезными данными.

- А телефончики братков мы завтра тебе принесем, Ефим Шаевич, - сказал Женька. – Как и список других нужных в таких делах людей. Служителей фемиды. С расценками.

- Я еще ничего не решил, - растерянно ответил Ефим Шаевич. – Тут много думать надо. Да и стар я для таких дел.

- А ты сыну эти дела поручи, - предложил Борис.

Наступила тягостная тишина.

- Что так плохо едите шашлык? – спросил Ефим Шаевич. – Остынет.

- Хороший шашлык, - ответил Женька.

- Я нельзя ли заработать у вас деньги честным путем? – спросил старик. – В рамках закона.

- А как ты в рамках закона заработаешь большие деньги? – удивился Борис. – Через заработную плату? Исключено. Так, на мелкие карманные расходы.

- Если хочешь в России честно заработать капиталец, то надо идти только в премьер – министры, - посоветовал Женька. – Сегодня у нас Мишка – два процента, а станешь ты премьером – будет Ефимка – три процента.

- Это Женька про откат говорит, - пояснил Борис. – С любой государственной подписи. Так что много тебе набежит, если согласишься занять этот пост.

- Вряд ли Ефиму Шаевичу предложат эту хлебную должность, - усомнился Женька.

- Это почему же? – удивился старик.

- В силу твоего возраста, прежде всего, - не стал Женька расстраивать хозяина кафе.

- А вот если пойдешь трудиться депутатом, то не прогадаешь, - предложил Борис. – Клеевая работенка: и почет, и море привилегий, и всяких бесплатных радостей в жизни - море.

- Самое главное – это не надо на работу ежедневно ходить, - заверил Женька. – Так, в день полочки разве что.

- А за счет чего же капитал создать, если на работу не ходить? – спросил Ефим Шаевич. – Поясни твою мысль, Женька.

- Отсталый ты человек, Ефим Шаевич, хоть и с высшим образованием, - засмеялся Борис.

- Ну, во-первых, оклад у депутата раз в пятьдесят выше среднего по стране, а, во-вторых, можешь делишки проворачивать, находясь под прикрытием депутатской

неприкосновенности, - пояснил Женька.

- Поясни твою мысль, Евгений, - вежливо попросил Ефим Шаевич.

- А чего тут пояснять? Апартаменты служебные, бесплатные телефоны и почтовая переписка, набираешь себе штук сто помощников, которые под твоим руководством и занимаются доходными делами, тебе проценты отстегивая.

- Большой доход депутату приносят депутатские запросы в какие – либо государственные инстанции, - поддержал товарища Борис. – В интересах бойких господ – капиталистов. Несколько запросов – вот и получишь несколько чемоданов баксов в порядке благодарности. Проверено практикой.

- Да и при чтении проекта госбюджета хорошо можно заработать, - заинтриговал хозяина кафе Женька.

- За счет чего? – подняв брови, спросил старик.

- За отдельную плату и на этот вопрос получишь ответ, уважаемый мой Ефим Шаевич, - засмеялся Женька.

- Да, у депутатов море возможностей денежку дармовую заколачивать, - подтвердил Борис. – Скажем, вот такая мелочь. Так сказать, пустячок. Положена тебе служебная машина импортной модели, а в придачу к ней – три комплекта номеров для твоей машины.

- И что с ними делать? – спросил старик. – По квартире с ними бегать?

- Сразу видать, что отстал ты, Ефим Шаевич, от жизни.

- А ты поясни, а не выпендривайся, - обиделся тот.

- А чего тут пояснять? – удивился Борис. – Один комплект номеров ставишь на свою служебную машину, второй комплект – на служебную машину своей жены.

- А третий комплект? – спросил Ефим Шаевич.

- А третий комплект номеров загоняешь какому – либо важному братку.

- Да, несколько сотен тысяч баксов в год не помешает, - улыбнулся Женька. – Видишь, на ровном месте заработал немного капиталца. Так что живи – не хочуй!

Старик понуро сидел на стуле, иногда поглядывая на мужиков. Потом сказал:

- Весьма интересно, надо подумать. А что по телевизору у вас показывают интересного? Рано начинаются передачи?

- Да всего понемногу, - ответил Женька. – Показывают с самого раннего утра до поздней ночи.

- Сплошную рекламу показывают по телеку, - грубо ответил Борис. – А в перерывах между рекламными роликами – обрывки американского кино или краткие выпуски новостей про бандитские разборки.

- А также передают сообщения, как ваши нефтяники сыграли с утками, или шпоры с сенаторами, - поддержал товарища Женька.

- Как нефтяники могут играть с утками? – опешил Ефим Шаевич. – Не говори ерунды!

- А я откуда знаю? – грубо ответил Женька. – Знаю только, что диктор каждые полчаса сообщает, что какие-то утки проиграли нефтяникам или шпорам. Или наоборот. То ли в хоккей, то ли в теннис. Я в этих видах спорта ничего не понимаю. Как и вся остальная русская братия.

- А зачем же тогда дикторы об этом через каждые полчаса вам сообщают? – вызывающе грубо спросил старик.

- Приобщают к мировому спорту, наверно, - ответил Борис. – Скажи, Ефим Шаевич, ведь и у вас в Штатах что-то передают о российских спортивных событиях?

- Еще чего! – вспыхнул старик. - С какой стати тут будут интересны ваши успехи в каком – то виде спорта? Тем более, без участия американцев.

- А нам, либералам и демократам, все интересно, - улыбнулся Женька.
- О чем пишут ваши газеты, на каких проблемах делают акцент? – спросил Ефим Шаевич после продолжительной паузы.
- Да обо всем пишут, - вяло ответил Женька.
- А акцент делают на сплетни и чернуху, - перебил Борис.
- Зачем? – спросил старик.
- Народу все интересно, - ответил Борис. – Особенно грязные сплетни и небылицы.
- Измельчал народец, измельчал, - пожал плечами Ефим Шаевич. – Судя по вашим рассказам, окончательно поглупела нация. Очень жаль. – Потом резко бросил взгляд на Бориса и спросил:
- Скажи, Боря, а можно сейчас у вас купить хорошие вещи?
- Запросто, - успокоил старика Борис. - В основном, импортные вещи и относительно не дорого.
- Если купишь костюмы оптом более десяти килограммов, то будешь иметь значительную скидку, - подтвердил Женька.
- Это как понимать? – сдвинул брови старик. – Костюм и килограмм – какая связь?
- Прямая, - ответил Женька. – Костюмы и другие шмотки у нас на вес оцениваются.
- А самую дешевую мебель в Москве можно купить в здании Рижского вокзала, - Борис решил окончательно dokonать старика.
- Да, значительно дешевле, чем в любом кинотеатре, - согласился Женька.
- Ефим Шаевич, судя по всему, окончательно растерялся, не понимая, где начинается и где кончается шутка. Он сидел, откинувшись на спинку стула, с закрытыми глазами.
- Борис с Женькой незаметно наполнили стопочки и выпили.
- Но ведь если так дело дальше пойдет, то и передел, вернее, бандитский захват квартир начнется, - словно продолжая ранее затронутую тему, сказал старик. – Приходишь домой вечером, а в твоей хате бандит. Может так быть?
- Это направление бандитизма уже получает распространение, - четко подтвердил Борис. – Скоро будет приобретать более широкий размах. Ибо перспектива – пальчики оближешь!
- Но ведь так могут и у первого президента хату отнять, - ужаснулся старик. – Обидеть пожилого человека ненароком могут.
- Ну зачем же так сумрачно, - успокоил его Борис. – Бывший батюшка живет на государственном обеспечении. За высокими заборами. Подальше от глаз людских. Так что не грозит ему такая опасность, как лишиться хатенки. Сам можешь полистать бюджет страны – отдельной строкой прописано – сколько для батюшки денег выделено.
- И много? – спросил старик. – Не голодает ли, чай?
- Нет, не голодает, - заверил Борис. – Да ему недавно пенсию прибавили.
- И много?
- Пятьдесят рублей подкинули. К тем одиннадцати тысячам и всему бесплатному содержанию. С его стороны бесплатному, но не для народа. Да и квартиру свою, говорят, за крутые бабки цыганскому табору сдает. Как ни как, тоже доход. От сдачи в наем квартиры на Осенней улице.
- А можно вот так поговорить с ним?
- Подкинешь охране немного баксов – проведут через высокие заборы, - ответил Борис. – Заплатишь больше – в кровати царской разрешат полежать. Минут десять. Когда он на прогулке.
- Все продается? – ужаснулся Ефим Шаевич. – Ничего святого?
- А что тебя смущает? – удивился Женька. - Если пописать в городе бесплатно нельзя, то что остается делать народу? Ведь по качеству жизни страна занимает седьмое

место снизу среди всех стран мира. Хуже кто живет? Правильно, Гаити, Зимбабве, Нигерия и им подобные высокоразвитые страны. Правильно, любым способом приходится нашему народу зарабатывать бабло, ибо никуда без него. Даже умереть нельзя. Не похоронят.

- Что-то не слышно о знаменитой межрегиональной группе, - тихо спросил старик после паузы. – Чего они делают, чем народу помогают?

- Я тебе о другом скажу, уважаемый Ефим Шаевич, - вступил в разговор Борис. – Очень показательно. Прослышали на Кубани, что выявился во Франции дефицит ножек лягушек.

- При чем лягушки? – брезгливо перебил старик. – Говори по существу моего вопроса.

- А я и говорю по сути твоего вопроса, - немного обиделся Борис. – Ты не дослушал до конца мою мысль, а обижаешься. Так вот, решили кубанские казаки французов лягушками вдоволь накормить. А как это сделать, хоть и много этих тварей в болотах прыгает да квакает? Не ловить же их.

- Дорого каждая тварь обойдется, - подтвердил Женька.

- Вот, и я об этом же. Да и в весе они теряют, если за ними по кочкам прыгать, - продолжил Борис. – Поступили умно – изготовили емкости большие и глубокие. Малость утопили в воде, а над ними – лампочки повесили. Ночь настала – включили эти лампочки – и дело в шляпе.

- Поясни свою мысль, ничего не понял. При чем здесь лампочки? – попросил старик.

- А при том, что на светящиеся лампочки комарики да бабочки стали слетаться. Любимая жратва лягушек. Стали кваквы ловить бабочек, прыгая на лампочки. А результат? Точно, стали падать в притопленные емкости. Забирай регулярно емкости с экспортной продукцией да конвертируй валюту в местные рубли. Живи – не хочу.

- А как это связано с межрегиональной группой? – ехидно спросил Ефим Шаевич.

- Да напрямую, дорогой мой Ефим Шаевич, - ответил Борис. – Так же позвали к эфирным высотам. А когда поняли, что дрянное дело получилось, что превратилась страна в диковинную, хвосты поджали да разбежались.

- Это верно, - согласился Ефим Шаевич. - Во времена смены режима всегда пена всплывает. А на гребне пены - не самые лучшие люди. Пену всегда нужно периодически процеживать. Закон природы.

- Во, - засмеялся Женька. - Многое сам понимаешь.

- И о премьер-новаторе что-то мало пишут, - вздохнул Ефим Шаевич. – Не болеет ли?

- Нет, жив - здоров, - успокоил его Женька.

- Вы о ком? – спросил Борис.

- О внуке двух писателей, - ответил Женька. – А что о нем говорить? В телек рожа не помещается, а если станет говорить пухлыми губенками – понять ничего невозможно. Даже с двумя переводчиками. Злые языки говорят, что он сам себя с трудом понимает. Поэтому пришлось его нафталином посыпать да в шкафчик положить. До лучших времен. А сейчас нельзя им людей пугать, а то у них и так нервный тик при его виде появляется.

- Да, - подтвердил Борис, - колья из забора народ выламывает, когда о Гайдаре случайно говорят.

- А как поживает второй премьер? Такой молодой, в очках, - спросил старик.

- Сюрпризный парнишка? – переспросил Борис. – Да нормально. После того, как троекратно грабанул народ изменением курса доллара.

- А кое-кого сделал сказочно богатым, - уточнил Женька.

- Без ведома главного? – удивился Ефим Шаевич.
- Да, без ведома батюшки, - подтвердил Женька. – На следующее утро царь сам сказал, что он в это время был в запое.
- «Работал с документами», - уточнил Борис. – Пароль такой был.
- Работают не с документами, а над документами, - жестко перебил Ефим Шаевич.
- Ты говоришь о том случае, когда на работе головку напрягают, - улыбнулся Борис.
- Это не про нашего батюшку.
- Ефим Шаевич налил себе апельсинового сока, выпил. Потом спросил:
- Вот вы говорите, что государство неоднократно ограбило народ. Нет ли сейчас мыслей вернуть народу то, что у него забрали?
- Зачем? – удивился Борис. – Народ уже о своих бывших накоплениях забыл. Не нужно терзать его душу.
- Кто старое помянет – тому глаз вон! – засмеялся Женька. – Если вернуть народу то, что у него отобрали, то резко инфляция возрастет. А это допустить никак нельзя
- Грех какой – то над страной повис или бес вами правит, - понять не могу, - промямлил старик.
- В конце первого слова буква федя, - подсказал Женька. Но старик не понял подсказки.
- А какие теперь главные заботы у ваших, как вы говорите, нуворишей? – поинтересовался Ефим Шаевич.
- Их две, - ответил Борис. – Главная – что раньше купить – остров в Индийском океане или футбольный клуб в Италии.
- А вторая?
- Менее существенная, - ответил Женька. – Как побыстрее легализовать наворованное. То, что перешло им по блатным указикам.
- Это называется так – добавить ворованному легитимности, - уточнил Борис. – Хоть, если честно, есть и другие проблемы.
- Какие? – поинтересовался старик.
- Да отучить быдло от мысли, что люди в России когда – то были равноправными.
- Из неоднородной массы нельзя построить гражданское общество, - задумчиво произнес старик. – Думаю, что все-таки надо вернуть народу то, что у него несправедливо отняли.
- Да ты коммунист, Ефим Шаевич! – воскликнул Борис.
- Нельзя этого делать, - подтвердил Женька. – Огненный прямо заявил, что в этом случае среди чиновников начнется воровство. Среди тех, кто народным добром от имени государства управлять будет. Нельзя допускать воровства.
- И потом, - поддержал коллегу Борис. – Если у них отобрали то, что ими воровски нахапано, то как нувориши жить будут? Как простые чижики? Право, они же ставленники Бога на земле. Вон Петруха один четко сказал в одном интервью, что он выполняет Божьи поручения на земле. А отберешь ты у него народное – как будет свои обязанности либеральные выполнять? Да и будет ли вообще их выполнять?
- Да таких, как я вас понял, у вас всего тыщенька, - перебил Ефим Шаевич. – Тысяча против ста пятидесяти миллионов!
- Нельзя идти на поводу у толпы, - резко ответил Борис.- Тогда можно крен к социальным понятиям сделать. А наши Данки – не для того свое сердце из груди достали, чтобы о народе думать.
- С тобой согласен полностью, коллега, - подтвердил Женька.
- Пресса у вас теперь независимая? – после долгой паузы спросил Ефим Шаевич. – Верхи не зажимают, все позволяют отмечать?

- Да, она не зависима от интересов страны, ничего общего с народом не имеет, - согласился Борис.

- Кому подчиняется? – живо поинтересовался старик.

- Хозяину. Тем, кто деньги платит, - ответил Женька. – Сосед по даче говорил, что как-то был он в обществе весьма достойных людей. И вот хозяин, теперь он за кордоном живет, некто Гусинский, бахвалился, что, мол, Усатый в недельной телевизионной программе будет говорить то, что он, хозяин, ему написал крупными буквами. Хозяин даже достал из кармана бумажку и стал сверять, как точно Киселев фразы строит. Остался доволен им – слово в слово сказал, что приказано было.

- Ради премии на все пойдешь, - согласился Борис.

- И много у вас таких усатых? – спросил старик.

- Через одного, - ответил Женька. – Мой сосед по лестничной площадке даже из компартии вышел, когда узнал, что одного телевизионного киллера в нее приняли. Такой прохвост, этот киллер, что даже мать родную за понюшку табака продаст.

- Что творится, что творится, - промямлил Ефим Шаевич. – Все-таки очень хорошо, что я вовремя уехал. Кстати, а как живет простой народ?

- Физзарядкой занимается простой народ, - ответил Женька. - В основном. Встает часов в пять утра – и сразу тяжести поднимать.

- Не понял тебя, Евгений, - заморгал глазками старик. – Поясни твою мысль.

- Простой народ – это бывшие учителя, врачи, инженеры. Так вот, как проснутся часов в пять, водицы кипяченой хлебнут – и за дело. Тележки с баулами в руки – и на рынок.

- Зачем? – удивился старик.

- Чтобы на жратву малость заработать. Продажей импортных шмоток. Не подыхать же им, бедолагам? А детишек кормить надо? Конечно, надо. Ведь почти все заводы и фабрики стоят, разрушены, как после гражданской войны. Где на хлеб заработать? Вот и везут на рынки импортные шмотки продавать. Такие крепкие мускулы у людей стали... Учителя шмотки везут в южную часть города, а врачи – в северную. Приспособились.

- А остальные люди? – спросил старик.

- Кто как. Молодежь – так в охранники пошла, в родоны разные, кто разбоем стал заниматься самостоятельно. А женщины среднего возраста и малолетние девицы – жрицами любви стали, стоя вдоль автомобильных трасс. Пожилые люди – стали менять квартиры ближе к кладбищам. Бомжей, кстати, стало много.

- Говорят, стало много детишек беспризорных? – поинтересовался Ефим Шаевич.

- В несколько раз больше, чем было после Второй мировой войны, - подтвердил Женька.

- И чем они занимаются?

- Да готовят себя сызмальства к либеральной жизни. Воровством, в основном. Хоть и про разбои не забывают.

- А как же государство?

- Нельзя довлеть над психикой человека, - ответил Женька. - Тем более молодого. Да еще в период становления демократических основ. Все должно быть либерально.

- Сын говорил, что население вашей страны уменьшается, - со вздохом произнес старик. – Или это не так?

- Есть малость, - также со вздохом ответил Борис. – На полтора миллиона в год сокращается. Мрут людишки. Судя по всему, от счастливой жизни.

- Мужики до шестидесяти лет не доживают, - подтвердил Женька. – И никто не знает, почему они так торопятся в рай.

- Вот и поручило бы государство изучить эту проблему, - посоветовал Ефим Шаевич.
 – Выявить причины, по которым так рано люди умирают.

- Чудной все же ты человек, Ефим Шаевич, - рассмеялся Борис. – Чего эту проблему изучать, когда и так все ясно.

- Чего тебе ясно? – спросил Ефим Шаевич. – А мне ничего не ясно. А граждан своих государство беречь должно, заботиться о них.

- Еще чего! – возмутился Женька. – В период либерализма и демократии? Только либеральное к ним отношение должно быть. Только! Каждый вправе подышать в любом возрасте. И не важно, от чего. От голода, холода, болячек или от рук бандита. Это дело каждого. И никто не вправе в его дела вмешиваться. Это аксиома либерализма.

- Но ведь какие-то социальные функции государство обязано выполнять! – заупрямился старик. – О старых людях, о подрастающем поколении заботиться должно.

- Ты еще вспомни о странах Скандинавии, - со злостью перебил его Борис. - Про Швецию, про Норвегию речь заведи, скажи, что у них настоящий социализм. Что забота о людях у них настоящая. Как в бывшем Советском Союзе.

- Да тебя же у нас, в России, скажу же коммунистом назовут. Как только ты заикнешься про эти страны. Перестанут с тобой здороваться. Ишь, до чего додумался! Социально-ориентированная Россия! Блажь какая-то, - сердито ответил Женька. – Ты все-таки думай, Ефим Шаевич, что говоришь. Все-таки при высшем образовании. Понимать либерально - демократические процессы должен.

- Да если тебя встретит наша девственница - либералка Новодворская в темном переулке, или, скажем, ее друг Боровой – они тебе за такие мысли запросто голову открутят, Ефим Шаевич. Поверь нам на слово, будь осторожнее, если приедешь в Россию. Не ходи без охраны в темное время суток.

- Но ведь демократия – это власть народа! – резко произнес Ефим Шаевич. – Если исходить из познаний греческого языка. Демократия – это подчинение меньшинства воле большинства! А мы что имеем? Полную противоположность!

Борис переглянулся с Женькой, но промолчал. Не решился Борис спорить с хозяином стола. Лучше промолчать, подумал он про себя, чем перегнуть палку и не получить вторую порцию свиного шашлыка.

Женька наполнил стопки. Выпил в одиночку.

- У нас теперь многие видные люди, имевшие многолетний стаж в компартии, сменили окраску, - продолжил Женька. – Ярыми стали антикоммунистами. А почему? Сам догадаешься или подсказать?

- Нос по ветру держат, проходимцы, - ответил Ефим Шаевич.

- Во, понимать стал, - похвалил Борис. – Достоин ты, по моим понятиям, полного мрота.

- Какого морота? – передернул плечами старик. – Ты о чем?

- Скажи, Ефим Шаевич, сколько в Штатах платят самому низкооплачиваемому работнику? – спросил Женька.

- Не знаю, - пожал плечами старик. – Долларов восемь в час, наверное. Меньше платить запрещено. Для недопущения революционных процессов разрыв в доходах между бедными и богатыми не должен превышать соотношения один к восьми. Так ученые с мировыми именами доказали. А что?

- А в России платят эти шесть баксов, хоть и по курсу, но только раз в месяц. И то не всегда. А порой и с задержками. Это и есть тот минимум денег, что ты можешь заработать в России. При соотношении в доходах один к бесконечности. Ощущаешь разницу, старче?

- Не может такого быть, - заерзал на стуле старик. – Просто не может быть. Да вы с

огнем играете или не знакомы ... - Он поперхнулся. – Не может такого быть! Вы что, снова хотите начать игрища в революцию?

- Как не может, когда так все и есть, - подтвердил Женька.

- Помню, в советские времена мы осуждали Южно-Африканскую Республику. За проводимую политику по уничтожению местного населения. Геноцидом называли, - вздохнул старик. – Неужели история повторяется?

- Многого ты еще не понимаешь, Ефим Шаевич, - попытался успокоить его Женька. – Наши либеральные вожди говорят, что это временные трудности.

- Да, трудности переходного периода, - подтвердил Борис.

- А когда он закончится, этот переходной период? – спросил Ефим Шаевич.

- Да скоро, - стал успокаивать его Женька. – Как население страны уменьшится примерно наполовину.

- То есть, когда большинство народа вымрет? – ужаснулся старик.

- Но зато какие перспективы перед оставшимися людьми вырисовываются, - мечтательно сказал Женька. – Резко падают пенсионные расходы государства. Это раз. Кроме того, значительно меньше стране потребуется врачей, учителей, хлебопеков, сапожников. Да и прочие непроизводительные затраты резко сократятся. Нет, в этом скрыта сила нашего государства.

- А как сам народ оценивает такие перспективы? – вяло спросил Ефим Шаевич. – Поддерживает?

- А кто его собирается спрашивать? – удивился Борис. – В большой политике нельзя идти на поводу толпы. Так и до абсурда можно дойти.

- Толпа – она везде толпа, - согласился Женька. – Для ее счастья всегда требуется Данко. В лице наших демократов и либералов. Они знают, что простому человеку требуется.

Ефим Шаевич сидел, опустив плечи. Потом поднял голову и взглядом подозвал Веню, который быстро подошел и склонил пред стариком голову.

- Все готово? – тихо спросил Ефим Шаевич.

- Все готово, - подтвердил Веня.

- Полицейский?

- На посту.

- Неси. Оба.

Веня быстро удалился.

«Придется завтра прийти сюда снова, - решил для себя Женька. – Угощение дармовое, милая беседа, опять же... Да и Витьку неплохо бы сегодня вечером пивом отблагодарить за такую прекрасную наводку на этого старика.»

- Вот, пожалуйста, возьмите, - внезапно подошедший Веня протянул Женьке бумажку.

- Что это? – с интересом спросил Женька.

- Счет за ваше обслуживание, - с достоинством ответил тот.

Женька заглянул в протянутую бумагу. От увиденных цифр ему стало плохо.

- Это в рублях? – упавшим голосом спросил он.

- В долларах, господин, - ответил Веня.

- Но ведь Ефим Шаевич говорил, что он угощает... - промямлил Женька.

Борис с интересом наблюдал за происходящим.

Веня быстро подошел к нему и вежливо протянул ему листок бумаги:

- А это ваш счет.

Борис ошалело стал разглядывать цифры. Пятьсот сорок девять долларов девяносто центов...

Спина покрылась легкой испариной, свело челюсти.

- Но, Ефим Шаевич, вы пригласили нас с Женькой на бесплатный пикник, - с трудом вымолвил он. – Как же так, какой счет? Да еще на такую огромную сумму...

- Да вы не кипятитесь, друзья мои, - жестким голосом ответил старик. – Посудите сами. Вот вы говорите, что кучка воров обворовала всю страну. Говорили? Говорили. А что народ? Молчит быдло, как вы говорите. Значит, все законно. А теперь войдите в мое положение, в положение старого еврея. Как должен поступить старый еврей с людьми, привыкшими к тому, что их постоянно обувают, как вы выражаетесь? Во, понимать начинаете. Что ж, ночами я спать не должен, переживая, что не вовремя уехал из России? Или за то, что не раздел вас на штуку баксов? У себя дома. И потом, я так понимаю, что не на трудовые денежки по разным странам катаете. Верно? Так что не жалейте эти баксы, вернетесь домой – наворуете гораздо больше. У вас там система отлажена. А мне тоже приятно осознать, что не отстал от жизни, помню еще кое – какие навыки.

Борис зло крутил глазами, изредка поглядывая на старика и полисмена.

- Ты не зырь на меня волчонком, Борис, - со злостью сказал Ефим Шаевич. – Ты наворовал, судя по всему, много, а я немного позаимствовал у тебя. Как говорится, немного поделился со мной, старым евреем. А ежели платить не хочешь, то видишь, вон стоит полицейский, готовый прийти на охрану закона. На мою защиту. Да, придется мне малость ему отстегнуть. Но ты же сам говорил, что делиться надо.

Мужики нехотя вытащили бумажники, достали по пять стодолларовых банкнот и положили на столик. Борис отдельно достал из бокового кармана стодолларовую бумажку и также положил на стол:

- Сдачи не надо.

Они пошли прочь.

- Приходите завтра, продолжим нашу беседу, - пригласил их Ефим Шаевич.

Отойдя на пару сотен шагов от ненавистного кафе, мужики остановились.

- Может, вернемся? - неуверенно спросил Борис.

- За сдачей?

- Да нет, - стал сердиться Борис. – Попробуем договориться с евреем об откате. Процент отката согласовать, если мы сюда наших туристов будем направлять.

- Наши морду набить могут, - возразил Женька. - Как мы сегодня это сделаем Витьке.

Валера замолчал.

Наступила полная тишина.

- Так им и надо, блин, - нарушил тишину Дима. – Клевещут на нашу страну, идиоты.

- Как «Голос Америки» на бывший Советский Союз, - словно во сне согласился с ним Валера.

Дверь купе отворилась, и показалась помятая женщина:

- Вот ты где, голубь, водку пьешь!

- Что ты, Маша, - привстал с полки Владимир. – Мы мирно беседуем.

- Пошли в свое купе. Кому сказала!?

Женщина удалилась восвояси, захлопнув дверь.

- Вы извините меня, - сказал Владимир. – Проснулась моя радость. Придется уделить ей немного внимания. А после я еще несколько случаев расскажу. И про Таиланд, и про Испанию...

- Хорошо, - согласился Валера. – Уложишь жену спать – и сразу приходи.

- Скажи, Валер, - обратился к нему Дима, когда Владимир вышел из купе, - ты эту брехню сам выдумал?

- Да нет, Дима, я только почти слово в слово пересказал то, что мне самому

рассказывали в далекой Австралии на прошлой неделе.

- Но ведь в этой брехне, блин, нет ни одного правдивого слова, - пожимая плечами, сказал Дима и потянулся за сигаретами. - Хотя, впрочем, ради бесплатного угощения с хорошим выпивоном...